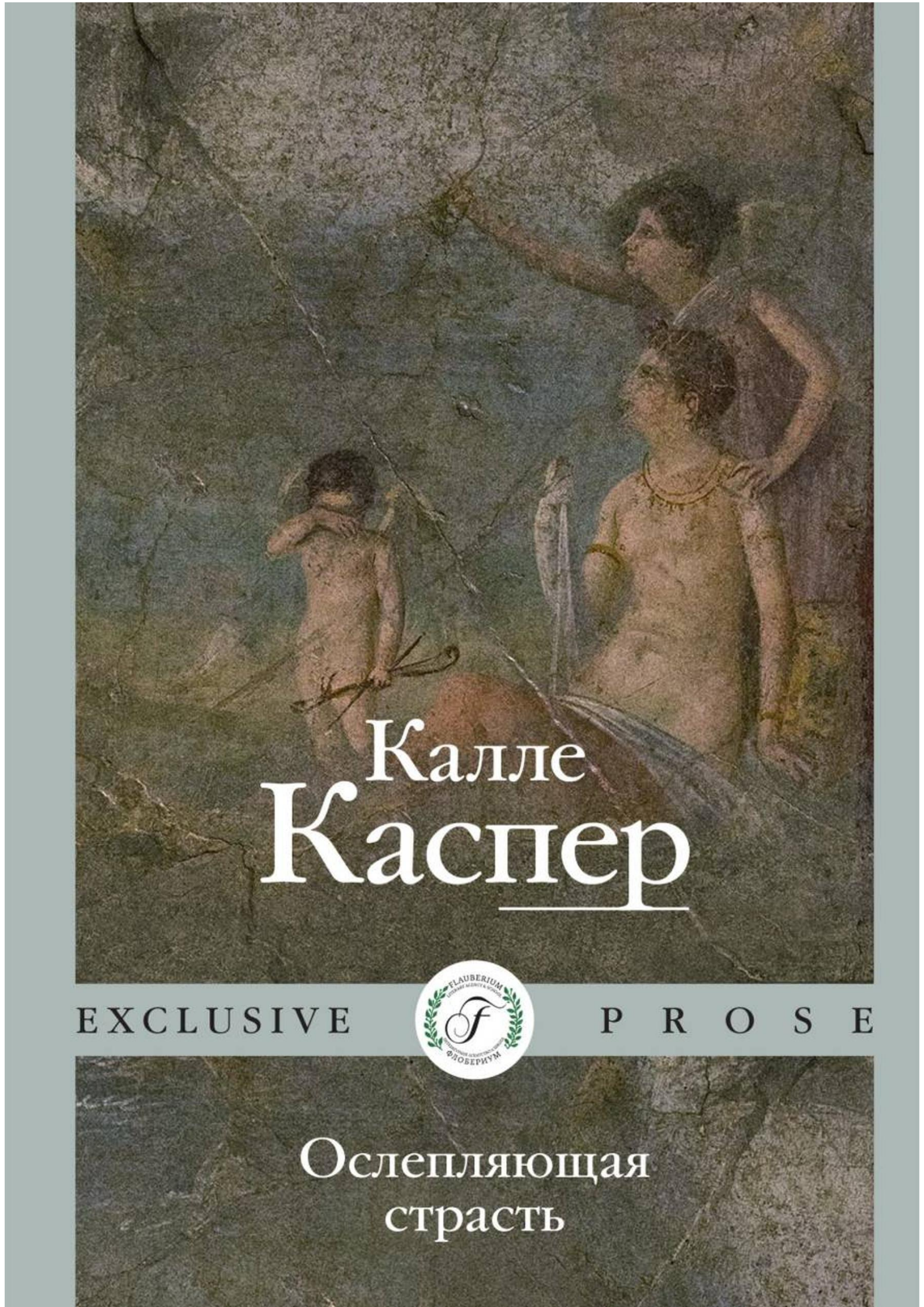

Калле Каспер

EXCLUSIVE

P R O S E

Ослепляющая
страсть

Калле Каспер

Ослепляющая страсть

«Автор»

2026

Каспер К.

Ослепляющая страсть / К. Каспер — «Автор», 2026

Страсть – чувство сильное, тотальное, слепое. К женщине, к власти, к деньгам, к истине. Не сдерживаемое моральными границами, не получающее достойный отпор, оно разрушает и того, на кого обращено, и того, кто его испытывает. Для исследования страсти Калле Каспер обращается к новелле, жанру с острым динамичным сюжетом и неожиданной развязкой. Автор справедливо называет свои новеллы философскими – ему важны не столько впечатления жизни, сколько законы бытия. И поэтому истории семейного или бытового замеса вдруг оказываются источником вопросов, уровень которых – «быть или не быть?». В книгу вошли также повести «Уроки Германии», «Телемахия», «Армянки», «Анника».

© Каспер К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Философские новеллы	5
Пощечина	5
Дар политика	10
Непризнанный гений	13
Круцификс	16
Чужие письма	21
Без тещи	25
Судья	28
Тайна	32
Эликсир истины	36
Замена	40
Деспот	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ослепляющая страсть

Философские новеллы

Пощечина

Моя мать повесилась за три месяца до своего шестидесятилетия. Я не поверил своим ушам, когда мне позвонили из ее школы, – не только потому, что она моя мать, но и зная ее характер. Да, она была вдовой, отец умер много лет назад, в трудные девяностые, но мать справлялась, она по-прежнему работала, не знаю, любили ли ее ученики, она была строгой, но уважали, или хотя бы боялись, точно. Неужто ей намекнули, что пора на пенсию? В конце концов, даже это не должно было стать причиной, у нее же были Илона и я.

Надо было позвонить сестре, но я никак не мог себя заставить. Илону мать, в отличие от меня, баловала, или потому, что она девочка, или потому, что младше. Мне приходилось все детство словно ходить по канату, ей же мать позволяла шалости. Когда Илона переехала в Лондон, мать была безутешна. «Неужели ты не можешь найти работу на родине?» Илона объясняла, что ей не нравится Таллин, что Лондон – метрополия, там совсем другая атмосфера, люди приветливые, воспитанные, не такое хамье, как эстонцы. В конце концов, мать сдалась, может, и потому, что поняла – дочь ей не переубедить.

Собравшись с духом, я отыскал в телефоне контакт Илоны. Она ответила немедленно, сразу после первого гудка. Я не стал ее подготавливать, выложил все сразу. Она онемела, затем заплакала и сквозь всхлипы спросила, почему мать это сделала? «Не знаю», – ответил я теми же словами, что директор школы на мой аналогичный вопрос.

– Когда похороны? – спросила Илона, немного успокоившись.

– Давай попробуем как можно быстрее.

– Я сейчас же займусь билетами на самолет.

Позвонив на работу, я сказал, что на этой неделе меня больше не будет: умерла мать и мне придется уехать из Таллина; факт самоубийства я скрыл, он казался постыдным. Выпив чашку кофе – аппетита не было, – я оделся и стал искать по карманам ключи от машины.

К вечеру дела были устроены: мать в морге, со священником и могильщиком все обговорено, и длинный стол в единственном более-менее приличном кафе нашего поселка зарезервирован. У меня не было ни малейшего желания оставаться здесь на ночь, но проехать второй раз за день сто пятьдесят километров не хватало сил – ни моральных, ни физических. Квартира матери была пуста, я даже не знал еще, кому она достанется, мне или Илоне, да и оставила ли мать завещание? Квартиру купил отец, после того как нас выставили из дома – колхоз дал ему приличное жилье, но затем пришла независимость, имущество вернули прежним хозяевам, и наш дом достался шведскому бизнесмену, сыну старого владельца, который выстроил там свою летнюю резиденцию. Для покупки квартиры отцу пришлось залезть в долги, они его и довели до могилы; последние несколько тысяч выплатил уже я из зарплаты своих первых трудовых лет.

Включив люстру, я обошел квартиру, в которой до сих пор чувствовалась аккуратная мамина рука: комнаты убраны, посуда вымыта, одежда – в шкафу. Мать позаботилась даже о том, чтобы ее быстро нашли, – она оставила дверь в подъезд приоткрытой, и, действительно, соседка, молодая женщина, утром заметила, сперва удивилась, затем на всякий случай окликнула, потом... У нее я тоже спросил, не догадывается ли она, почему мать так поступила, она ответила категорически: «Нет!», но добавила, что пару последних дней мать казалась немного не в себе, как будто что-то на нее давило. Соседка поинтересовалась, не случилось ли чего,

но мать ответила, что все нормально, она просто подустала, конец учебного года дается все труднее. Настаивать соседка не стала, все знали, насколько замкнута мать. Днем я зашел и в школу, еще раз спросил у директрисы, неужели она не знает причину, может, у мамы на работе возникли проблемы? «Нет, – ответила директор твердо, – она была примером для молодых учителей». – «Дети ей не пакостили?» Она грустно улыбнулась: «Они никогда не посмели бы»

«Вдруг мать узнала, что она смертельно больна, – подумал я после этого разговора, – бывает ведь, что люди в таком положении, вместо того чтобы мучиться, кончают с собой». Я пошел к семейному врачу, у которого мать лечилась, но она развеяла мои подозрения: в последний раз мать приходила к ней в марте, грипп у нее осложнился гайморитом, но после курса антибиотиков она быстро поправилась. «Она была здоровая женщина», – сказала врач.

Я поставил чайник и сел за письменный стол матери. На нем лежала кипа тетрадей. Я открыл верхнюю – последней записью была контрольная по алгебре, по дате я установил, что она состоялась два дня назад, но что удивительно – мать не успела проверить работу, оценка отсутствовала. Просмотрев еще несколько тетрадей, я убедился, что все они в таком же состоянии. Я задумался – мать была известна своей добросовестностью, не в ее манере было медлить с проверкой контрольных работ; следовательно, что-то действительно случилось.

В ящике письменного стола, который я открыл, обнаружились разные бумаги: коммунальные договоры, гарантийные талоны, квитанции, немного наличных – но ничего такого, что пролило бы свет на трагедию. Завещания я не нашел.

Наклонившись, я с легким смущением включил компьютер, который стоял под столом. С тихим урчанием агрегат заработал. Я включил монитор, и скоро на нем замигали знакомые значки. Мы живем в стандартном мире.

Я чувствовал себя немного виноватым из-за того, что так беспардонно вторгаюсь в личную жизнь мамы, но я надеялся найти хоть какую-то зацепку.

Мать была педантичной, в ее компьютере царил такой же порядок, как и в гардеробе. Часть школьной работы, казалось, переместилась сюда – у матери для каждого класса была отдельная папка. Таблицы с оценками, характеристики, дневник... Никакого намека на то, что с кем-то из учеников или родителей возник конфликт.

Я открыл почту. И там все было систематизировано: работа – отдельно, личная жизнь – отдельно. Последнее письмо мать получила неделю назад от Илоны: сестра писала, что собирается в отпуск на Ибицу и домой этим летом не приедет. Мне Илона об этом не говорила, но я не удивился, сестра была весьма самостоятельной, а наши с ней отношения доверительными не назовешь. Но могла ли мать от этой новости впасть в депрессию? Зная ее характер, я понимал, что это немыслимо, к тому же в конце письма Илона добавила, что приедет осенью на юбилей мамы.

Писем от родственников я не обнаружил, да и не мог обнаружить, так как их у нас почти не осталось: дедушка с бабушкой умерли, братьев и сестер у мамы не было, а с двоюродным братом она порвала отношения после того, как тот спьяну насмерть сбил ребенка – ученицу мамы.

В рабочей папке писем было больше, в том числе переписка с одной родительницей, которая сочла, что мать чересчур строга к ее отпрыску. Логичными предложениями, в категоричной форме мать доказывала, что она обращалась с этим юношей объективно и справедливо и прикрепила к письму файл с контрольной работой, изобиловавшей ошибками. Ответа не последовало, а что тут можно было ответить?

Все это была рутина, которая не давала ни единой нити.

Увидел я и свое письмо, отправленное дней десять назад. Мать до этого спрашивала, стоит ли поместить сбережения в ценные бумаги, ей из банка звонили и предложили. Я отсоветовал, сказал, что рискованно, даже очень хорошие специалисты не всегда могут спрогнози-

ровать наступление экономического кризиса. Неужели мать все-таки поддалась искушению? Но так быстро она никак не могла потерять деньги.

И вдруг меня осенило: а что, если она попала в лапы мошенника?

Я решил это проверить сразу. ID-карточка мамы осталась у меня, я поискал в ящике, нашел нужное приспособление, воткнул карточку в него и вошел на страницу банка, в котором, как я знал, мама держала сбережения. Я знал, что то, что я сейчас собираюсь сделать, противозаконно, но желание прояснить ситуацию было слишком сильным. Однако все оказалось в порядке, денег было даже больше, чем я предполагал, часть на депозите, часть на текущем счету.

Я закрыл банковскую страницу, встал и начал ходить по комнате, придумывая все новые и новые версии. А что, если у мамы появился поклонник? И тот вдруг бросил ее? Казалось невероятным, но ничего другого мне в голову не приходило.

Мои размышления прервал звонок мобильного – Илона сообщила, что прилетает завтра вечером. Она казалась нервной, но такой, взвинченной, она была всегда.

Пока мы разговаривали, вскипел чайник, я нашел пакетики с чаем, заварил себе чашку, снова сел у компьютера и вдруг, под влиянием неожиданного импульса, открыл папку «Корзина». И немедленно увидел письмо, от первой фразы которого у меня участилось сердцебиение: «Дорогая Ильзе, думаю, тебя может заинтересовать...»

Я открыл письмо. Оно было не намного длиннее:

«Дорогая Ильзе, думаю, тебя может заинтересовать вот этот файл» – и ссылка.

Письмо было подписано, отправительницу я знал: своих учителей мы помним хорошо, особенно тех, которые нам досаждают. Да, именно из-за этой дамы мы с Илоной оба остались без медалей – ей, казалось, доставляло удовольствие требовать от нас больше, чем от других, ставить «тройку» там, где другая учительница нашла бы справедливой «четверку» или даже «пятерку». Родной язык и родная литература – это не математика, а сочинение оценивают, не только исходя из грамматических ошибок, там можно всегда найти, к чему придраться. Однажды мы пожаловались матери, но она сразу отрезала: «Если учительница решила так, значит, она права». Правда, потом мать шепнула мне: «Потерпи!» И я сделал из этого вывод, что в душе она думает так же – что нас специально изводят. В чем дело, я узнал намного позже, уже после окончания школы, вот тогда мать однажды сказала мне: «Ты удивлялся, почему Элеонора с вами так строга – она в молодости была влюблена в твоего отца, но отец предпочел меня».

Я знал, что Элеонора несколько лет назад вышла на пенсию, и если она написала маме...

Меня охватило дурное предчувствие, и я нервно нажал на ссылку. Что там может быть? Какое-то собрание, на котором говорят гадости об отце? У отца было много врагов; после того как нас выставили на улицу, он без разбора проклинал новую власть, как-то даже обругал старосту волости, обвинил в том, что тот, дескать, «перекрасился» – в советское время тот работал парторгом совхоза.

Или там что-то нехорошее обо мне? Несколько лет я трудился в инвестиционном фонде, и однажды мы здорово прогадали, из-за чего немало людей потеряли свои деньги. Сам я, в прямом смысле, в этом виноват не был, но...

Однако то, что я увидел, поразило меня. На экране появился зал, полный народу, точнее, полный женщин, все в отличном, в возбужденном настроении, как будто выпившие. Играла музыка, они хлопали в такт. Все это вроде происходило где-то за рубежом, среди женщин я заметил и желтокожих, и чернокожих, естественно, были и белокожие.

Какой интерес это могло представлять для мамы?

Затем на экране появился мужчина. В отличие от женщин, он был совершенно нагой. Это был смазливый, спортивного телосложения мулат, с мощным мужским атрибутом, которого он,

казалось, совсем не стеснялся, а наоборот – гордился им. Он ходил по залу и демонстрировал его женщинам – и предлагал ублажить его разными способами; и встречались те, кто...

Вдруг я застыл и почувствовал, что краснею. Камера сфокусировалась на следующей женщине, и она – я не поверил своим глазам... Вызывающий взгляд, гордая улыбка, самоуверенные движения – все то, что я так часто видел... Не было никакого сомнения – это была Илона. Ее длинные светлые волосы, ее худое лицо, ее маленькие глазки и острый нос, ее узкие губы... И затем эти губы...

Я резко выключил компьютер.

Гуляя по темному поселку, я подумал, насколько изменился мир. Я был в переходном возрасте, когда началась перестройка. Помню, как в кино впервые увидел нагую женскую плоть – тогда это было редкостью. Затем провели кабельное телевидение, на каком-то немецком канале раз в неделю показывали развлекательную передачу с раздеванием. Родители не позволяли мне смотреть, но, когда их не было дома, я, как загипнотизированный, сидел целый час перед телевизором. Об интернете тогда никто и не слышал. Когда он появился, я уже жил в Таллине и был женат. Развелся я после того, как случайно увидел жену в машине, целующуюся с другим. Я ничего не сказал, просто в тот же вечер собрал вещи и закрыл за собой дверь. Сперва она удивилась, позвонила, но очень уж настойчиво вернуться не предлагала. Вторично я тот ад, что во мне тогда царил, переживать не хотел. К тому времени Таллин был полон борделей, возникла потребность – иди, на здоровье. Я часто думал, что привело этих девиц туда, только ли нужда или и стремление вкусить приключений? Или желание жить легко и красиво? Ведь у каждой из них были родители, у многих наверняка и братья. Иногда я спрашивал, знает ли мать, чем она занимается? Все утверждали, что скрывают свое занятие. Несколько раз я любопытствовал, не думала ли она о том, чтобы играть в порнофильме? Они от ужаса закрывали глаза – еще чего не хватало! Следовательно, некое чувство стыда у них сохранилось: они были готовы продавать себя, но не хотели, чтобы об этом стало известно.

Я стал размышлять над тем, какие скачки проделала мораль за века. В Древнем Риме оргии ничего необычного собой не представляли, хотя отношение к ним было разное, так, Октавиан отправил в изгнание как Овидия, участвовавшего в пирушках его дочери, так и саму дочь. Христианство старалось искоренить сексуальную жизнь, любовью разрешалось заниматься только законным супругам с целью производства детей. Некая Чечилия сумела в брачную ночь объяснить мужу, что есть только один правильный вид любви – платонический; впоследствии ее объявили святой. В то же время папы римские устраивали оргии в Ватикане, а монахи в своих монастырях занимались черт-те чем. Только советской власти удалось победить проституцию и, в какой-то степени, и содомию, для чего понадобилось дополнить уголовный кодекс соответствующим параграфом. Теперь эта власть вышла в тираж, а люди, выросшие при ней, еще не все умерли; так и моя мать, до вчерашнего дня.

Было очевидно, что мораль – относительное явление, что ее можно, как пояс, то затянуть, то распустить; можно обойтись и без ремня, только тогда штаны упадут. Такую жизнь без штанов называли «европейскими ценностями», не думая о том, что всего лишь век назад ценности на нашем континенте были совсем другими, так что правильнее было бы сказать «ценности нашей эпохи» или даже «нравы нашей эпохи». Эстония со своими традиционно свободными половыми отношениями, казалось, легко приняла мораль нового мира, что же касается русских, то они могли всегда получить отпущение грехов.

Подумал я и о том, расист я или нет? Отнесся бы я к тому, что увидел, иначе, если бы «партнером» Илоны был белый мужчина? Скорее, это показалось бы еще отвратительнее – белый человек, опора цивилизации, опустившийся на один уровень с дикарями. Но так ведь оно и было – тот мир, чернокожих, одержал победу – нам не удалось заставить их вести себя по нашим понятиям, зато это удалось им.

Прогулка привела меня на дальний конец поселка, и я услышал сильный приторный запах – сирени! Я и забыл уже, что колхоз в конце советского времени посадил здесь сиреневую аллею длиной метров сто. Мать, когда я предложил ей после своего развода переселиться ко мне, ответила: «Я не могу жить без нашей аллеи!» Действительно, такого изобилия сирени я не видел нигде.

Мы и с Илоной тут гуляли, вдыхали этот запах – как он сочетался с ее поведением? Или именно аромат сирени возбудил в ней истовую сексуальность? Теперь мне стало ясно, почему она перебралась в Лондон – наверняка заимела там множество любовников. Только пресыщенность может толкнуть человека на такие безумства. В Эстонии она не смогла бы так вольно себя вести, пошли бы слухи, по-видимому, она не подозревала, что запись вечеринки могут выставить в интернете, тем более что кто-то из нашего поселка может ее увидеть. С какой стати Элеонора копалась в порнушке? Наверно, чтобы почувствовать свое моральное превосходство над всеми, кто в пороке погряз. Надеялась ли она найти компрометирующий материал? Почему бы и нет. Только сейчас я вспомнил, что одна моя одноклассница стала стриптизершей, а другая работала в Греции официанткой в клубе. Может, учительница искала видео с ними? Не исключено; но это уже значения не имело. Главное, что поселок поймал Илону на бесстыдстве, и мама не пережила такого унижения.

Запах сирени вызывал у меня давние воспоминания: именно сюда я привел в выпускную ночь одноклассницу, которая мне нравилась, – ту самую, которая сейчас поселилась в Греции. Я сделал попытку ее поцеловать – и получил пощечину. Сейчас у меня было такое же чувство – как будто меня ударили по лицу.

Когда поминки закончились, мы с Илоной рядышком зашагали в сторону материнского дома.

- Свен, мы должны решить, что будет с квартирой, – сказала она, когда мы вошли.
- Квартира останется тебе.
- Почему? – удивилась она. – Это несправедливо.

Она стала настаивать, чтобы мы продали квартиру и поделили деньги пополам, но я не уступил.

- Ты ее заслужила.
- Чем?
- Я включил компьютер и открыл почту.
- Сядь.

Она застыла на секунду, но повиновалась.

Я включил видео.

Она догадалась очень скоро и даже покраснела. Затем она выключила запись и встала.

- Не думаешь же ты, что мать покончила с собой из-за такого пустяка?

И тут я врезал ей. Удар был чисто инстинктивным: у меня такого намерения не было, перевоспитывать сестру я не собирался, как и мстить за маму, – я просто почувствовал, что должен ударить, потому что этого требует справедливость, и ударил.

Она айкнула и отступила на пару шагов, но не заплакала и не упала – молодая крепкая женщина, в мать. Она бросила на меня ненавидящий взгляд, но ничего не сказала, и я понял, что, на самом деле, она прекрасно сознает свою вину. И еще я понял, что ее жизнь в Лондоне отнюдь не такая сладкая, как она старается продемонстрировать; еще несколько лет, и она будет не нужна ни белым, ни черным мужчинам. И тогда, подумал я, она вернется на родину и, вполне возможно, поселится в этой квартире.

Я не стал прощаться, вышел, сел в машину и поехал домой.

Дар политика

Мы с Зенобией были женаты уже четыре с половиной года, когда однажды, придя вечером с работы домой, я заметил, что она чем-то встревожена.

– Что случилось? – спросил я.

Она долго увиливала от ответа, клялась, что все в порядке, но я не отставал, и, наконец, она призналась:

– Начальник стал приставать.

– Кто? Верблюд?

– Нет, босс.

Прямого начальника Зенобии, которого мы из-за его длинного, как будто клещами вытянутого, лица между собой называли Верблюдом, я бы не опасался: это был, что называется, старый хрыч, чьи ухаживания вряд ли зашли бы дальше сальных взглядов и беглых прикосновений, но босс, владелец фирмы и директор в одном лице, действительно мог представлять опасность: замкнутый, молчаливый, один из тех, о ком ты никогда не знаешь, что он на самом деле думает; к тому же он недавно развелся.

– Конкретно, что он сделал?

– Даже не знаю, как тебе объяснить. Такие вещи женщины носом чуют.

– Лапать пробовал?

Зенобия покраснела и потупилась:

– Да, пару раз.

Это мне уж совсем не понравилось – а кому бы понравилось? Возможно, следовало велеть Зенобии немедленно написать заявление, но время было трудное, уйти с работы – легче легкого, а найти новую – еще та задача; на нас же висели кредиты за квартиру и машину.

– Ладно, постарайся несколько дней продержаться, я подумаю, что с этим делать, – сказал я уже позже, в постели, после весьма бурного соития; вынужден признать, что ситуация меня возбудила.

Зенобия начала уверять, что не стоит беспокоиться, что она сможет за себя постоять, но я уже принял решение. Такие дела, говорила мне интуиция, надо решать сразу, что называется, пресекать на корню.

На следующий день я отпросился с работы пораньше, поехал к фирме Зенобии, поставил машину в некотором отдалении и стал ждать. По рассказам Зенобии, я знал, что босс – трудоголик, вечно засиживающийся в кабинете, когда все уже разошлось по домам; оставалось надеяться, что он не собирается рыться в бумагах до полуночи, но даже к этому я был готов.

Я увидел, как работники, Верблюд в том числе, один за другим покинули здание. Среди последних вышла Зенобия, села в свой маленький «фольксваген», который мы ей недавно купили, чтобы мне не возить ее каждый день на работу и обратно, и бесшумно уехала.

Прошел еще почти час, пока наконец в том окне, за которым, по моим расчетам, корпел босс, погас свет.

И вот он вышел – молодой, стройный, в дорогой зимней куртке, примерно такой, как у Путина.

Я планировал, если он выйдет с кем-то вместе, поехать за ним и попытаться остановить его по дороге, но сейчас необходимость в этом отпала.

Выскочив из машины, я пошел прямо в его сторону – наверное, таким решительным шагом, что он поначалу как будто испугался и успокоился только после того, как узнал меня, – мы с ним встречались на вечеринках фирмы.

– Здравствуйте, – сказал я, остановившись перед ним.

– Добрый вечер, – ответил он осторожно.

– Я муж Зенобии.

– Да, я помню вас.

– У меня к вам дело, но я хочу, чтобы это осталось между нами. Чтобы никто никогда об этом не узнал. Кстати, это и в ваших интересах. Вы мне обещаете?

– Предположим, – обронил он неопределенно.

– Обещаете или нет? – повторил я настойчиво.

– Ладно, обещаю, если это для вас так важно, – пожал он плечами.

– Я хочу, чтобы между нами все было предельно ясно. Чтобы не оставалось ничего недосказанного. Я хочу, чтобы моя жена продолжала работать в вашей фирме. Эта должность ей подходит, она довольна. Но мне не нравится, если от нее ждут чего-то такого, что не входит в ее служебные обязанности.

Он посмотрел на меня маленькими холодными глазками, и было совершенно невозможно угадать, о чем он думает.

– Уточните, пожалуйста, что вы имеете в виду, я не понимаю.

«Ах, ты не понимаешь», – подумал я со злостью и рявкнул:

– Не лапайте чужих жен!

Он казался удивленным, сперва я подумал, что причина – в моей прямолинейности, но вдруг на его лице появилась ухмылка, и мне показалось, он даже тихо прыснул.

– Мне кажется, вас неправильно информировали. Можете быть совершенно спокойны: ваша кикимора меня не интересует.

Бывают вещи, которые мужчины делают машинально. Так и я – я отдал себе отчет в том, что случилось, лишь когда увидел, что босс лежит в сугробе, губа в крови.

Я резко обернулся, поехал домой, вошел, не поздоровавшись с Зенобией, в комнату, достал лист бумаги, написал вместо нее заявление об уходе и протянул ей, чтобы она подписала.

Зенобия взяла бумагу и начала читать, я же внимательно смотрел на нее, словно видел впервые. Назвал ли ее босс кикиморой, чтобы насолить мне, или его оценка имела основания? Когда мы влюбляемся, то не способны трезво оценивать достоинства и дефекты той, которую выбрали объектом своего вожделения; мне всегда казалось, что Зенобия – обаятельная женщина, правда, худая и близорукая, в очках, но темпераментная, с большим чувственным ртом и большими, мечтательными глазами – а вдруг я ошибаюсь?

– Тээт, надеюсь, ты...

Я не стал говорить ей, что она сама во всем виновата – ну, хорошо, возможно, я немного охладел к ней, но подогревать страсть искусственно, провоцируя ревность? Глупо. И, конечно, ей следовало учесть мой вспыльчивый характер.

Кстати, это была давняя ошибка Зенобии: она хорошо считала, но человеческую природу не понимала.

Я был непреклонен, и в конце концов она подписала.

Следующим утром я велел ей остаться дома, сам же поехал – заявление в кармане – к ней на работу. Никакого желания встречаться с боссом еще раз я не имел и собирался оставить бумагу у секретарши, но он ждал меня, наверное, звонил Зенобии, когда та не явилась вовремя, в общем, он немедленно открыл дверь и пригласил меня в кабинет.

– Зачем?

– Входите, я объясню.

«Ну, хорошо, – подумал я, – послушаем, что он скажет».

– Садитесь, – сказал он, когда мы вошли.

Я остался на ногах.

– К чему тянуть? Вот заявление, подпишите, и закончим на этом.

– Пожалуйста, все же присядьте.

Мне стало интересно, и я перестал сопротивляться.

– У меня к вам огромная просьба, – начал он, сев напротив меня. – Давайте оставим все как есть. Ваша жена – замечательный сотрудник, я бы даже сказал, незаменимый. Нам предстоит переустройство, один человек из руководящего персонала уходит на пенсию, и я не вижу на его место другого кандидата, кроме вашей жены. С Зенобией я уже говорил, она готова остаться. Со своей стороны, обещаю, что никогда никому не расскажу о том, что между нами произошло. Простите меня, если я вчера сказал что-то такое, что могло вас оскорбить. Можете быть уверенным, я не это имел в виду.

Я слушал его, и мой взгляд невольно скользнул по его разбитой губе. «Как, – подумал я, – у мужчины может совсем отсутствовать самолюбие?» Я вчера врезал ему так, что он еще долго будет это помнить, а он извивается, как угорь, в угоду своим шкурным интересам.

Когда он закончил, я стал обдумывать ответ. Могу ли я посчитать инцидент исчерпанным, если он передо мной так унижается? Может быть, и так.

– Хорошо, – сказал я, – согласен, но при одном условии. Вы должны громко сказать: у вас самая красивая жена в мире.

Как бы хорошо он ни скрывал свои чувства, на сто процентов это ему не удавалось, я видел, как он борется с собой, словно человек, которому говорят: иди, побарахтайся в грязи, получишь тысячу долларов; такие тоже бывают.

– Между нами или публично? – спросил он наконец; мне показалось, это был принципиальный момент.

Ничего не могу с собой поделать – у меня широкая натура.

– Достаточно, если между нами.

Он собрался, его губы скривились, кажется, это доставляло ему и чисто физическую боль, но в итоге все-таки сказал звонким и вполне естественным голосом:

– У вас самая красивая жена в мире.

Я порвал заявление, выкинул в корзину и ушел.

Через некоторое время Верблюд ушел на пенсию, и Зенобию повысили до его должности. У нее прибавилось работы, и теперь она частенько возвращалась домой позже меня; однако прошло почти два года, пока она однажды не сказала:

– Тээт, прости, но я уеду. Ты ведь знаешь, босса недавно избрали в парламент, фирма теперь полностью на моих плечах и...

– И?..

– И он хочет, чтобы я развелась.

– Чтобы ты посвятила себя фирме?

– Тээт! Ну как ты не понимаешь, он хочет на мне жениться! Ты ведь все равно меня уже не любишь...

Это было правдой, моя любовь погасла вскоре после того случая, и уже почти год я встречался с одной милой девушкой, которую тоже избрали, только в другом месте – на конкурсе мисс города – второй принцессой: вынужден признать, что мой выбор, возможно, был продиктован и тем, чтобы еще раз не услышать, как мою жену обзывают кикиморой; кроме широты натуры, мне свойствен также комплекс неполноценности.

Короче, против развода я не возражал.

Не удивила меня и партийная карьера босса: я вспомнил, как он, хоть и с натугой, сказал, что у меня «самая красивая жена в мире», и я подумал, что, наверное, именно в этот момент он и нашел свое призвание: ведь что может быть важнее для политика, чем способность говорить с абсолютной искренностью слова, которые не имеют ничего общего с истиной?!

Непризнанный гений

Вернувшись после двадцатилетнего отсутствия в Ленинград, незадолго до этого успешного снова стать Петербургом, я занялся привычным для себя издательским делом, только внес в него кое-какие коррективы. Несколько быстро промелькнувших лет перестройки наполнили мне прочитанные в молодости рассказы о калифорнийской лихорадке, где главной задачей старателей было первыми застолбить перспективное место у золотиносного ручейка. Впрочем, за самые рискованные возможности обогащения, такие, как торговля металлом, я хвататься не стал: в «салонах», в которых собирались эти охотники за миллионами, слишком часто раздавались выстрелы, после чего часть конкурентов укладывалась в гробы, а другая – строила скорбные мины в похоронном шествии; мне же моя жизнь была дорога, и я удовлетворился печатанием запретного литературного плода, и даже не Пруста, на которого у меня не нашлось бы достойных переводчиков и редакторов, а самых обычных «дююктивных» романов, как моя жена называла опусы о Перри Мейсоне, мисс Марпл и других проницательных личностях, способных раскрывать наихитрейшие преступления. Многотысячные тиражи расплозились по бьющейся в смертельной агонии стране, принесли мне немалую прибыль, и я подумал – если бы эти болваны, осевшие в Политбюро, догадались подкармливать народ таким чтивом, СССР мог бы существовать еще долго. Хотя нет – поток порнографии, на котором делали деньги люди менее щепетильные, чем я, доказывал, что советский человек – тоже человек, и ничто человеческое ему не чуждо, и, следовательно, ему надоело видеть обнаженной только свою жену и нескольких любовниц. Но кроме этих двух пунктов, больше я ничего добавить не хочу – без колбасы этот человек прожил бы.

Однако после каждого пира следует хорошо знакомое русскому человеку состояние, которое эстонцы, среди которых я последнее десятилетие с лишним жил, называют *кошачьим отчаяньем* – после того, как гекачеписты, поиграв мускулами, удалились, а самый известный в мире алкоголик распустил империю, я понял, что мне на этом «советском Западе», больше делать нечего: государственный язык я так и не выучил, а эстонский рынок книжной торговли не обещал тиражей свыше двухсот экземпляров; вот я и вернулся туда, где я, правда, не родился, но закончил институт и работал несколько лет снабженцем в типографии, добывая бумагу для собраний сочинений того самого большевика, чье имя город носил.

Но издавать и далее детективы мне не хотелось: заработанную в Эстонии прибыль я заблаговременно конвертировал в доллары и, умело поместив часть из них в ценные бумаги, стоимость которых постоянно росла, мог бы жить скучной жизнью рантье, если бы не естественное желание каждого мужчины оставить после себя хоть что-нибудь (детей у нас с женой не было). И я решил заняться тем, к чему чувствовал слабость еще с молодых лет – поэзией, только тогда, одержимый бредовой идеей, я сам пытался соединять мысли с рифмой, а сейчас, отрезвев, начал издавать сборники тех, у кого это получалось лучше, чем у меня. Все эти годы я продолжал приобретать самиздатовские альманахи, поэтому более или менее был в курсе, кого из авторов следует выводить на «большую арену» – а их было немало, так как я считал петербургскую поэзию лучшей в России. Нескольких я знал из бывших времен, отыскал их и предложил выпустить книгу. Сперва все удивлялись, а иные даже не сразу соглашались, подозревая какой-то подвох, но, когда я выкладывал на стол готовый договор, предусматривающий, помимо прочего, неплохой гонорар, закрома с рукописями открывались. Скоро мне никого и искать не надо было – новость, что объявился сумасшедший миллионер, издающий стихи, разлетелась по обоим берегам Невы, и рукописи, помещенные в портфели, полиэтиленовые мешки или просто зажатые под мышкой, хлынули со всех сторон в мою кухню, где я обосновал редакцию своего «издательского концерна». Конечно, я выбирал; но сказать, что я в этом был чрезвычайно строг, нельзя – мало кто способен по достоинству оценить рукопись до того, как

она будет издана. Так что я отбраковал только те сборники, в которых количество орфографических ошибок заставляло подозревать, что автор – графоман.

И вот только тут на самом деле и начинается история, которую я хотел вам рассказать, – история недлинная, даже короткая, так что только моей литературной неграмотностью можно объяснить, почему «преамбула» затянулась.

Как-то мне позвонил и попросился на «прием» человек, фамилия которого показалась мне смутно знакомой. Разумеется, я пригласил его зайти. Он пришел вовремя и оказался несколько старше меня: сутулый, плешивый, в сильных очках, с лицом человека, сдавшего жизни, что, впрочем, меня не удивило – так выглядели почти все мои поэты. В отличие от других, весьма болтливых, этот оказался немногословен, спросил лишь, верно ли, что я издаю стихи, и, когда я ответил утвердительно, положил на стол папку с рукописью и попросил «ознакомиться» – а вдруг заинтересует. Проглядывалась в нем какая-то уверенность, чего остальные были лишены – как будто он знал цену своим творениям. Я попытался завести разговор, спросил, как долго он пишет, печатался ли раньше и прочее – он отвечал с неохотой, что пишет давно, когда-то печатался пару раз в самиздатовских альманахах, в последнее время – нет. Я не стал его донимать, сказал, что обязательно прочитаю сборник, и попросил позвонить через две недели. Он даже не допил кофе, который я успел ему налить, встал, распрощался и ушел.

Стихи произвели на меня странное впечатление: они словно были написаны двумя разными личностями. Первая треть представляла собой остроумное жонглирование словами, звуками, парадоксами – это было интересно, но не более, к тому же среди достаточно изящных опусов попадались и грубые, с использованием жаргона и так называемой нецензурной лексики; и вдруг все менялось, в стихах появлялась нескрываемая печаль, создавалось ощущение, что автор потерял очень близкого человека. Затем стихи еще раз изменились, поэтом овладели муки совести, возникла иллюзия, что он совершил нечто, за что себя осуждает, – это были прекрасные стихи, самые глубокие из тех, что я читал за все время после репатриации. «Страдание, – подумал я, – вот основа поэзии».

Не было никакого сомнения, что этот сборник необходимо издать. Я поставил его на тумбочку, чтобы перечитать перед сном, и вышел.

Когда я вернулся, жена была дома, сидела за кухонным столом и раздраженно листала рукопись: по папке я узнал принесенную мне сегодня. Заметив меня, она захлопнула ее и сказала:

- Алеша, надеюсь, ты не собираешься издавать этого негодяя?
- Почему негодяя?
- Так он же угробил две невинные жизни!

Я изумился, и она спросила, неужели я не помню эту историю? И назвала две фамилии, женскую и мужскую. И тут я понял, почему имя автора было мне знакомо. Конечно, я знал об этой трагедии – весь Ленинград знал.

Мой автор был безумно влюблен в некую девицу. Той его внимание было лестно, так как, хоть и молодой, автор считался талантливым и к тому же был в неладах с властью, что в нашем городе всегда ценилось. Поэтому она не отвергла его попытки на корню, хотя была тайно влюблена в другого, тоже поэта. Некоторое время положение оставалось неопределенным, но в конце концов чувства взяли вверх, и она отдалась тому, кого в душе предпочитала. Мой автор узнал об этом и далее повел себя не самым достойным образом – попросту говоря, не по-мужски. Вместо того чтобы прервать отношения с девицей, он стал ее преследовать, требовать объяснений, умолять, чтобы она вернулась к нему, а одновременно – поднимать против коллеги общественное мнение.

- Он увел у меня девушку! – говорил он на каждом шагу.

Он был известнее своего соперника, что во многом было связано с его положением опального, ему стали сочувствовать, а другому, тому, к кому ушла девушка, объявили бойкот. Перед

ним – а заодно и перед ней – закрылись двери салонов, они, по сути, стали париями. И тут они совершили нечто, чего никто не ожидал, – они совершили самосожжение на его даче. Говорили, что инициатива принадлежала девушке, это она чиркнула спичкой и подожгла занавески в комнате на втором этаже, которую они перед этим заперли, выбросив ключ из окна. Конечно, они могли выпрыгнуть в окно – максимум сломали бы ноги, но они не захотели спастись; их обугленные тела нашли в постели, в объятиях друг друга.

После этого общественное мнение развернулось на сто восемьдесят градусов; трагедия потрясла всех, похороны вылились в целую демонстрацию, власти пришлось выслать конную милицию – а моего автора предали анафеме. Незадолго до этого его стихами заинтересовалось зарубежное издательство, после страшных этих событий оно прервало договор. Слава литературного мученика улетучилась, никто не хотел иметь с ним дело, его не печатали даже в самиздатских сборниках. Он выбрал одиночество, и со временем о нем забыли. Однако он не умер, не покончил с собой и, оказывается, все это время писал стихи – прекрасные стихи.

– Ну так что? – повторила жена, заметив, что я колеблюсь.

– Конечно, все это печально, но стихи ведь хорошие, нельзя так просто взять и похоронить их.

– Жизнь важнее!

Я пытался ее уговорить, объяснял, что человек, как она сама может убедиться, раскаялся, и выразил свое раскаяние стихами, но она только раздраженно мотала головой.

– Все от тебя отвернутся, – сказала она.

– Пусть! – выпалил я, обозлившись.

Она внимательно посмотрела на меня.

– И я тоже, – добавила она.

Я знал свою жену – она слов на ветер не бросает.

И я смалодушничал – я слишком любил ее, чтобы рисковать впасть в немилость.

«Так ведь стихи не пропадут, – подумал я, – однажды их все равно издадут».

Через две недели, когда поэт зашел за ответом, я вернул ему рукопись, обронив только одно слово:

– Увы.

Он вспыхнул, вроде собирался что-то ответить, но воздержался, извинился, что побеспокоил меня, и ушел.

Круцификс

Если бы удалось изменить человека так, чтобы страсть его не ослепляла, если бы удалось сделать так, чтобы половое влечение проснулось только после того, как познано духовное единство, если бы было возможно искоренить пороки, чтобы человеку самому не приходилось подавлять их разумом, ибо такой контроль превратит его в нечто вроде больной машины – если бы удалось все это осуществить, то это были бы совсем другой человек и совсем другое человечество.

Моя совместная с Марией жизнь указывала на то, что пока все по-старому: на третий год мы начали говорить друг другу колкости, на четвертый вступили в соревнование, кто больше разобьет посуды – преимущество было на ее стороне, но и я показывал достаточный темперамент, а на пятый я дал ей пощечину и получил в ответ другую, похлеще; дети, к счастью, этого не видели, поскольку были в деревне у тещи – мы доставили их туда, так как должны были лететь вдвоем на Крит; теперь Мария хлопнула дверью, и, когда я через полчаса позвонил и спросил, не пора ли ей прийти упаковываться, она ответила:

– Слушай, Юрген, а почему бы тебе не пригласить с собой кого-то из своих «канареек»?

Так она называла нескольких моих случайных любовниц, в то время, как я ее ухажера скромно нарек «монстром».

– Хорошая идея, – сказал я, прервал разговор, кинул несколько необходимых вещей в сумку и вызвал такси.

Вы были в Ретимноне? пляж, длиной четыре километра, от окраины до центра, с зонтиками и лежаками, достаточно широк, чтобы вместить пол-Европы. Море, правда, не такое бирюзовое, как на Кипре, а цвета, который получил свое имя от него же – морской волны, но теплое и соленое, позволяет плавать часами. По набережной, отделяющей пляж от города, гулять в полдень, конечно, безумие, но, когда солнце спускается к горизонту, она предлагает приятную альтернативу тем, кто предпочитает пиву закат. Старый город Ретимнона своими узкими улочками и бесчисленными магазинчиками, в которых турист может подобрать себе подходящий сувенир, напоминает Таллин, разница лишь в том, что вместо матрешек здесь предлагают алебастровые статуэтки античных богов, лепка которых, кажется, единственный талант современных греков. Да, это уже не тот народ, что некогда воздвиг на берегу Средиземного моря храмы и театры, создал философию, намного более глубокую, чем заменивший ее христианский мистицизм, и довел искусство ваяния до такого совершенства, что в течение полутора тысяч лет никто ничего хоть мало-мальски сравнимого сотворить не мог. Современные греки флегматичны, я сказал бы даже, печальны, на них давит величие прошлого, и они оживляются лишь тогда, когда начинается трансляция очередного футбольного матча, что является основным утешением не только для них, но и для многих других. Как они отличаются от венецианцев, которые по сей день сохранили жизненную силу! Когда смотришь на обитателей Серенисимы, создается впечатление, что дай им малейший шанс, и они снова подчинили бы и Кипр, и Кандию, как они называют Крит, и даже Константинополь. В Ретимноне, как и во многих городах, жители которых говорят на греческом, турецком или сербохорватском, стоит венецианская крепость – доказательство того могущества, которого может достичь воля, если ей помогают ум и фортуна; в один из первых дней, случайным образом оказавшегося пасмурным, гуляя среди руин, я как раз и заметил парочку, на которую мимоходом обратил внимание еще в коридоре гостиницы. Мужчина, с отчетливым северно-европейским типажом, на вид что-то вроде удачливого инженера, высокий, с короткими светлыми, но уже с проседью волосами, казался лет на десять старше меня, зато его спутница – намного моложе не только его, но и меня, с иссиня-черной гривой и такого же цвета густыми, напоминающими щетку для обуви

бровями и ресницами, с полными губами цвета спелой вишни и с бедрами, напоминающими картофельную корзину моей бабушки, скорее всего, была родом из какой-то южноевропейской страны; мне она напоминала тигрицу, впавшую в летаргию. Они бродили, держась за руки, – в его возрасте! – и, когда остановились, чтобы поглядеть на море, по которому в этот день, словно воскресшие кони с собора Святого Марка, с пеной на губах, мчались волны, она доверительно положила голову ему на плечо. Можете себе представить весь спектр чувств, от иронии до зависти, которые меня при этой мизансцене охватили?!

Моя комната имела балкон, на котором я утром пил кофе, после обеда решал sudoku, а вечером грустил, глядя на закат. От соседнего балкона его отделяла перегородка, не столь высокая, чтобы полностью закрывать обзор, так что я мог бы видеть постояльцев этого номера, если бы они появлялись там, но наши расписания, казалось, не совпадали. Однако то ли на третий, то ли четвертый день я их все-таки засек – это оказалась та самая парочка. Я поздоровался на английском, мужчина ответил, а его спутница как будто и не замечала меня, ее взгляд проскользнул по мне, как по валяющемуся на траве теннисному мячику.

Одиночество и бездействие делают человека любопытнее, он начинает изучать окружение, задавать самому себе разные вопросы, выдвигать гипотезы. Парочка из соседнего номера заинтересовала меня, я видел в них некий идеал, до которого мне, со своими двумя неудачными браками – я и до Марии успел разок обжечься, – даже приблизиться не удалось. Каждое движение, жест, взгляд выражали ненавязчивое внимание к другому. Я начал следить за ними, попытался разобраться в привычках обоих, понять, есть ли у них какие-то различия, которые могли бы стать причиной разногласий? С балкона я видел пляж, метрах в пятидесяти от меня. Вскоре я убедился, что мужчине больше, чем женщине, нравится плавать, он то и дело заходил в воду, а она в это время сидела под зонтом и читала книгу, но каждый раз, когда он выходил на берег, она вставала, доставала из сумки полотенце и бережно высушивала его грудь и спину. Из гостиницы до пляжа они шли, как и в крепости, рука об руку. По репликам, которые невнятно доносились до меня в те минуты, когда они, по дороге на пляж или обратно, проходили мимо моего балкона, я понял, что разговаривали они на каком-то южно-европейском языке; возможно, это был итальянский, но ручаться не могу, в языках я слаб; важнее казался мне тон – ровный, спокойный. Я прислушивался, стараясь уловить хоть малейшие признаки ссоры – ни единого намека.

У меня и так было мерзко на душе – каждый вечер, чтобы забыться, я выпивал стаканчик-другой узо, противного, приторного напитка, которым туристов угощает Греция; теперь, от боли и зависти, я и вовсе запил, уже утром делал первый глоток, затем повторял и повторял. Когда на улице становилось жарко, я ложился и засыпал тяжелым сном; просыпался в сумерках, одевался и отправлялся в центр, чтобы там, кочуя из бара в бар, налакаться по полной программе. Возвращался, словно в тумане, брел в темноте, шатаясь, по набережной, иногда наталкиваясь на прохожих, которые глядели на меня, кто с жалостью, кто с отвращением. И вот однажды я почувствовал, что больше не хочу жить. Это случилось, когда я заметил свадебный кортеж, украшенный гирляндами и лентами. Все машины неистово сигналили, слышались пьяные радостные крики. «К черту! – подумал я, – к черту все!» – и резко свернул в сторону мостовой с намерением броситься под колеса какой-нибудь из этих машин; впрочем, что я в точности подумал, я даже не помню.

Но я не дошел, кто-то схватил меня за локоть, и я услышал знакомый голос, который на чистом эстонском языке строго сказал:

– Ettevaatust! [1]¹

Я сделал попытку вырваться, но это мне не удалось. И я покорился – наверно, желание умереть не было во мне слишком сильным. Я позволил проводить себя до гостиницы и далее

¹ Осторожно! (эст.)

в комнату. Помню, что в коридоре мой спаситель сказал пару слов кому-то, и я узнал голос соседа.

– Вам необходимо принять холодный душ, – сказал он, когда мы вошли.

Он помог мне раздеться, дойти до ванной и встать под душ, который он же открыл. Холодная вода скоро привела меня в чувство, и сосед, увидев, что я вернулся во вменяемое состояние, оставил меня одного в ванной.

Когда я в белом гостиничном халате вошел в комнату, сосед стоял на балконе и курил. Заметив меня, он потушил сигарету и вернулся в номер.

– Лучше?

Ответив утвердительно, я поблагодарил его и сказал, что я бы в жизни не подумал, что он эстонец.

– Я давно живу в Швеции.

– Но ваша жена ведь не шведка? Она кто, итальянка?

Он помедлил, но все-таки ответил:

– Нет, она из Венесуэлы.

– Ах, вот как!

Пораженный, я неожиданно для самого себя вдруг выпалил:

– Если бы вы знали, как я вам завидую!

И я выложил ему всю свою душу: что ни карьера, ни деньги, ни даже известность (я был финансовым экспертом, и мои рассуждения, сопровождаемые моим фото, часто появлялись в газетах) – ничто не может заменить любовную гармонию. Рассказал также об обоих своих браках: первом, что явился, скорее, обоюдной глупостью, и втором, с Марией, к которому я относился со всей серьезностью, однако, несмотря на это, снова оказался в шаге от развода.

– Вы с женой так нежно любите друг друга, человеку несчастному тяжело на это смотреть, ему начинает казаться, что его собственная жизнь пошла насмарку. Неужели вы никогда не ссоритесь, неужели у вас не бывает разногласий?

Он не ответил, и я понял, что он не настроен на откровенность. Помню, что я подумал: «Ну, конечно, одно дело заботиться друг о друге в присутствии посторонних, это еще не означает, что, оставшись вдвоем, они не ведут себя иначе – кто знает, какие оскорбления они бросают друг другу в лицо в своей шведской спальне?»

Он как будто уловил мои мысли, потому что вдруг сказал:

– Нет, мы действительно не ссоримся. И никогда не ссорились. Это может казаться невероятным, но это так. Если хотите, могу вам рассказать свою историю.

Я понял, что он решился на это ради меня, и, растроганный, кивнул.

– Вы упомянули слово «любовь», – начал он. – Я не могу в точности сказать, что это такое. Бальзак сказал, что любовь – это благодарность за доставленное удовольствие. Возможно. Но может, еще за что-то. Например, за то, что рядом кто-то есть. До встречи с Федерикой я долго жил один, старался прийти в себя после... ладно, скажем, любовной истории, хотя я и не уверен, что это была любовь. Я жил тогда в Эстонии, мы оба были молодые, я и моя невеста, нас влекло друг к другу, и не только в сексуальном смысле – мы старались как можно глубже проникнуть друг в друга, буквально раствориться друг в друге; по крайней мере, я хотел. Сами знаете, на нашей родине довольно свободные нравы – мы тоже легли в постель задолго до бракосочетания. Моя любимая не была у меня первой, так же, как я не был первым у нее. Не могу сказать, что это меня так уж беспокоило, так живут у нас почти все, чему тут удивляться, но мне казалось, что для счастливого брака нужна взаимная честность. Я рассказал невесте о своих похождениях, а затем стал настаивать, чтобы она ответила тем же. Она не стала уклоняться и призналась, что потеряла невинность на вечеринке – сильно опьянела, отправилась спать в соседнюю комнату, и некто из собравшихся решил этим воспользоваться. Она поняла, что происходит, когда уже было поздно.

Сосед умолк на минуту, и я видел по выражению его лица, что он и сейчас, несколько десятков лет спустя, сильно переживает то признание.

Затем он продолжил, другим, уверенным голосом:

– В тот момент, когда она мне все рассказала, я почувствовал, что уже не люблю ее. Не могу сказать, случилось бы это и в том случае, если бы ее история оказалась другой. Очень может быть, что именно опьянение, которое она сама, возможно, посчитала «смягчающим обстоятельством», подействовало на меня особенно тягостно. У меня было чувство, словно мое лицо окунули в помой.

Я не сразу прервал наши отношения, пытался бороться с собой, внушал, что из-за прошлого нет смысла мучиться, что было, то было, но не смог. За три дня до свадьбы я сказал ей, что бракосочетание отменяется. Это было страшное мгновение, я понял по ее лицу, что это для нее означает. Она еще долго не могла смириться с тем, что потеряла меня, звонила, плакала, умоляла, чтобы я не бросал ее. Для ее родителей и двух сестер это тоже было ударом – в смысле престижа. У моей невесты была большая родня: дяди и тети, двоюродные братья и сестры, плюс много знакомых, однокурсники, подруги – они были приглашены на свадьбу, и теперь ей приходилось всем объяснять, по какой причине она не состоится. Не знаю, что они обо мне говорили, но наверняка ничего хорошего. Слухи о моем «бесчеловечном» поступке распространились, и в какой-то момент я заметил, что меня начали избегать. Оправдываться я не стал – как я мог рассказать, что меня на этот шаг толкнуло? Это было бы подло. Если нельзя было промолчать, говорил, что разлюбил, – и все, но это оставляло еще более дурное впечатление. Даже моя матушка, которая поначалу была против нашего брака, осыпала меня упреками – она тоже думала о репутации. В конце концов, мое существование стало невыносимым, мне казалось, что куда бы я ни пошел, везде на меня смотрят криво. Мне предложили работу в Швеции, и я переехал. Жениться снова я не хотел, стал заходить в бордели – не в Швеции, а в командировках, которые в силу моей работы случались нередко. Европа полна притонов самых разных национальностей, будь я писателем, мог бы написать книгу о сексуальной психологии женщин разной породы; но я не писатель.

Он опять умолк, и я еще острее почувствовал, что он борется с собой – продолжать или нет?

– Однажды дела завели меня в Сицилию, в Сиракузы. Может, слышали о таком городе, он основан задолго до нашей эры, там жили древние греки и среди них – Архимед, которого убил один глупый римлянин. Еще там ставил свои пьесы Эсхил, а Платон сделал попытку осуществить при дворе сиракузского тирана свои бредовые идеи о государственном правлении, что для него чуть не закончилось плачевно – его хотели продать в рабство. В воскресный день я сходил посмотреть на греческий театр и знаменитое «Ухо Диониса» – пещеру, представляющую собой природное подслушивающее устройство, нечто вроде современных «жучков», а вечером купил местную газету, нашел объявления о знакомстве, позвонил девушке, которая рекламировала себя под псевдонимом «Дьяволетта», и договорился о встрече. Мне открыла молодая брюнетка, она помогла мне раздеться и подвела к постели. На итальянском она говорила с акцентом, я спросил, откуда она родом, она ответила: «Из Венесуэлы». Я знал, что это бедная страна, без слов было ясно, что часть своего заработка она отправляет домой, родителям, которые свято верят, что дочь работает на чужбине официанткой или продавщицей. Через полчаса я отправился в ванную. Помывшись, я вернулся в комнату и увидел, что моя одалиска стоит на коленях у стены, под висящим на ней крестиком. Я был потрясен. Чтобы кто-нибудь в двадцатом веке мог искренне верить в Бога?! Это казалось невероятным.

Заметив меня, она вскочила, но я за эти несколько секунд уже принял решение:

– Хочешь выйти за меня замуж?

Она не поверила, подумала, что я дразню ее. Мне пришлось несколько раз повторить предложение, клясться, что говорю всерьез. Когда эта мысль наконец дошла до нее, она задро-

жала всем телом и зарыдала. Я говорил с ней долго и терпеливо – как с ребенком; она, по сути, и была ребенком. Помимо прочего я обещал ей, что никогда ни единым словом не упомяну ее прошлое, не задам ни одного вопроса. И я сдержал слово. Действительно, мы никогда не ссоримся, никогда не упрекаем друг друга хоть в чем-то. Вначале бывало, что она ни с того ни с сего вдруг впадала в депрессию, наверняка вспоминала предыдущую жизнь, но через некоторое время эти «приступы» прошли: у женщин короткая память. Вот так мы и живем. Это...

Он замолчал, как будто ища верное слово.

– Счастье? – предположил я.

Он покачал головой:

– Нет, это не счастье, это – блаженство.

Мы молчали минуту-другую, каждый думал о своем, затем он решительно встал:

– Мне надо идти. Я обещал Марии, что помогу ей упаковать вещи, наш самолет вылетает рано утром.

Мой отпуск продолжался еще несколько дней, которые я провел в напряженных размышлениях о жизни и ее важнейшем компоненте – браке. Прилетев домой, я увидел, что Мария – моя Мария – уже вернулась. Она неплохо выглядела, и у меня даже возникло легкое подозрение, что она изменила мне за это время. Но я не задал ей подобного вопроса, мы вообще ни словом не касались проведенной в разлуке недели.

Чужие письма

И. С.

Борхес как-то признался, что ему неохота описывать природу, характеры героев и тому подобное, и он предпочитает просто пересказывать сюжеты. Следуя его примеру.

События, о которых пойдет речь, начинаются в семидесятые годы прошлого века и заканчиваются в начале нашего тысячелетия. Молодой аспирант У., литературовед, выбравший темой кандидатской диссертации некий аспект творчества Пушкина (какой, неважно), звонит из автомата общежития своему научному руководителю, профессору Б., чтобы договориться о встрече. Профессор очень любезно приглашает его к себе домой и столь же любезно его там принимает, в просторной квартире на Невском, в своем кабинете. Жена профессора приносит обоим чай и ставит на стол печенье, затем удаляется. У. смущен, он родом из провинции и не помнит, чтобы кто-нибудь его так обхаживал. В ходе разговора, в основном посвященного теме диссертации, профессор, помимо прочего, спрашивает, был ли У. в Михайловском? У. краснеет и, запинаясь, объясняет, что из-за болезни не смог принять участие в экскурсии, хотя на самом деле ездил на похороны матери. Он обещает в самое ближайшее время восполнить этот пробел и действительно через несколько дней садится в автобус и едет в Пушкинские Горы, чтобы оттуда пешком отправиться в Михайловское, в усадьбу, в которой великий поэт создавал великие произведения и баловался с крепостными девицами. Но ему не везет с погодой – поздняя осень, и только он успевает добраться до турбазы, как разражается буря. На улицу выходить бессмысленно и даже опасно, ветер гонит по деревне мусор, опрокидывает велосипеды и ломает ветки, и У. весь день сидит взаперти на турбазе и пьет водку с экскурсоводами. Один из них, огромный детина с аккуратно подбритыми черными усами объясняет ему, что, дескать, смотреть тут особенно не на что, все – бутафория, во время революции большевики спалили и усадьбу, и прочие строения.

– И что, нет ничего исконного? – спрашивает У. заплетающимся языком; он заметно опьянел.

– Да нет, почему. Липы на Татьяниной аллее – с пушкинских времен, – усмехается экскурсовод.

На следующее утро буря стихает, и У. отправляется на прогулку. Он запомнил слова экскурсовода о липах и решительно идет в сторону Тригорского, чтобы ощутить прелесть природы, вдохновившей поэта на бессмертные произведения.

На аллее он обнаруживает, что произошла «маленькая трагедия» – буря снесла одну из самых роскошных лип. У. подходит к дереву, он жалеет этого немого свидетеля пушкинских переживаний, чуть ли не единственного. Случайно он замечает в дупле дерева металлическую коробку, изрядно заржавевшую. У. осторожно достает коробку и хочет ее открыть, но крышка намертво прилипла, и, хоть У. силой не обижен, открыть коробку ему не удается.

Заинтригованный неожиданной находкой, он кладет коробку в полиэтиленовый мешок, в который он упаковал бутерброды, и срочно возвращается на турбазу. Экскурсоводов нет, У. крадется в кухню, берет из ящика нож, идет с ним в номер, запирает дверь на ключ и с некоторым трудом вскрывает коробку. Внутри – старые пожелтевшие письма. У. берет одно, пытается прочитать, письмо написано на французском, к счастью, именно этот язык у него – первый иностранный. Почерк размашистый, женский, У. разбирает его с трудом, но понимает одно – письмо адресовано Пушкину. Он кладет его обратно к другим, аккуратно закрывает коробку, прячет ее в сумку, с которой приехал, и спешит на автобус.

В общежитии он полночи лихорадочно сортирует письма. Его французского недостаточно, чтобы прочесть хотя бы одно, но кое-что он все-таки понимает. Оказывается, это – переписка Пушкина с Каролиной Собаньской, его безумной любовью, которой, как У. читал, поэт

сделал предложение до того, как посвататься к Гончаровой. Кроме того, в коробке несколько писем самого Пушкина к жене и ее – к нему, изобилующих интимными подробностями. У. вспоминает, что Пушкин в известных до сей поры письмах неоднократно просил Гончарову не откровенничать, так как их послания наверняка перлюстрируют; скорее всего, здешние письма написаны в «обход», то есть доставлены «верным человеком». Обе переписки обрываются за год до смерти поэта, и У. вспоминает, что именно тогда Пушкин в последний раз побывал в Михайловском, на похоронах матери.

Утром У. звонит руководителю и просит о срочной встрече. Он понимает, что сделал важное открытие, и хочет проконсультироваться с ним, что делать дальше. Тот снова приглашает его к себе, однако предупреждает, что весьма занят и много времени аспиранту уделить не сможет. У. отправляется, взяв с собой коробку с письмами. В кабинете он взволнованно начинает рассказывать о своей находке. Он полагает, что профессор тоже загорится, но, к своему удивлению, видит, что тот слушает его рассеянно. У. кажется, что профессор не верит ему, он достает из сумки коробку, кладет на стол – профессор даже не смотрит на нее.

– Хорошо, оставьте здесь, я потом посмотрю, – говорит он и встает, намекая, что разговор окончен.

У. уходит и начинает с трепетом дожидаться, когда профессор уже сам пригласит его, чтобы обсудить открытие, но этого не происходит. Он несколько раз встречается его в университете – профессор проходит мимо, лишь бегло ответив на приветствие. У. нервничает, в его голову прокрадывается страшная мысль, что профессор решил присвоить его открытие, он с ужасом ждет, что вот-вот появится научная статья о неизвестных письмах Пушкина, но этого тоже не происходит. Наконец, У. не выдерживает, звонит профессору и просит о встрече.

Его вновь встречают дружелюбно, даже тепло, дверь открывает дочурка профессора, радостно кричит: «Папа, к тебе пришли!». Жена профессора угощает У. яблочным пирогом, затем оставляет их вдвоем. Профессор заводит речь о диссертации, они некоторое время обсуждают эту тему, профессор дает несколько полезных советов, после чего наступает короткая пауза, которая представляется У. удобной, чтобы заговорить о «главном».

– Да, кстати, – начинает он с напускным оживлением, пытаясь замаскировать грызущую его тревогу, – вы прочли письма, которые я вам принес?

– Какие письма? – удивляется профессор.

– То есть как «какие»? – лепечет У. чуть ли не в трансе. – Переписку Пушкина с Каролиной Собаньской, а также его письма к жене, и ее – к нему, все то, что я нашел в Михайловском.

– А, да, верно, – говорит профессор спокойно, без малейшего энтузиазма, – нет, конечно, не прочел.

У. потрясен.

– Вас эти письма не заинтересовали? – спрашивает он.

– Разумеется, нет. Это чужие письма, как я могу ими интересоваться, я же не Бенкендорф.

У. охватывает необъяснимое возбуждение, он начинает говорить банальные вещи, что, дескать, это ведь не обычные письма, это письма гения, они важны для науки, для понимания его творчества, важны, в конце концов, не лично для них, а для общественности, для литературного сообщества, для российского народа.

Профессор слушает его молча, барабанит пальцами по столу, наконец, когда пыл У. угасает и он умолкает, спрашивает:

– Вы женаты?

Нет, У. не женат.

– А невеста есть?

У. краснеет, кивает – он некоторое время назад влюбился, чувство взаимное, они стали готовиться к свадьбе.

– Вы ей письма писали? А она вам?

Да, У. писал. И она писала.

– А вам понравилось бы, если бы кто-нибудь посторонний прочитал эти послания?

У. задумывается. Конечно, в письмах немало интимного...

– Но я же не Пушкин, – отвечает он, улыбаясь.

– А какая разница? – спрашивает профессор. – Вы человек – и Пушкин человек. То, что он еще и поэт, – другое дело. Да, он писал стихи. Вот их и читайте, в них все сказано.

– Но остальные его письма ведь напечатаны – много писем, – находит У. аргумент.

Профессор широко улыбается.

– Вы кого-нибудь убивали? – спрашивает он.

У. в замешательстве:

– Нет.

– Но другие, бывает, убивают, не так ли?

– Но я же не такой, как они! – запальчиво говорит У.

– А почему вы относительно писем хотите быть как *они*? Читать чужие письма – подлость.

У. не находит, что ответить, только, вставая, обиженно спрашивает, что ему теперь делать с письмами, выбросить, что ли?

Профессор объясняет, что в этом нет необходимости, так как писем уже нет, он их сжег – и в качестве доказательства указывает на стоящую в углу кабинета голландскую печь.

У. прощается, шатаясь, как пьяный, выходит из кабинета, из квартиры, едет в общежитие, кидается на кровать и по-детски рыдает в подушку.

Проходят годы. У. защитил кандидатскую, затем и докторскую, теперь он сам профессор, читает лекции, однако о своей находке он не забыл, нередко думает о ней. Каждый раз, когда в каком-то журнале печатаются письма некоего поэта, он задается вопросом: неужели исследователи, их опубликовавшие, совершили подлость? Если да, то, значит, подлость – неотъемлемая часть мироздания. В своих лекциях он тщательно старается обойти тему личной жизни классиков, касается ее словно нехотя, в нескольких словах, и когда студенты спрашивают о любовных похождениях того или иного поэта, бодро повторяет слова профессора: «Читайте его стихи, в них все сказано!» Возможно, именно по этой причине его лекции не пользуются популярностью, он знает, что за спиной его называют «занудой» и «сухарем». Конечно, это его огорчает, как и то, что за пределами академических кругов о нем мало кто знает, и он с сожалением думает, что, если бы ему удалось опубликовать те злополучные письма, он давно бы прославился. В такие минуты бывает, что он ненавидит профессора, считает его виновным в том, что он, У., при своих недюжинных способностях, великолепной памяти, умении анализировать, хорошем слоге, наконец, застрял на уровне «черного монаха». Он несколько раз, в кругу друзей, чуть было не заводит речь о своей несчастной находке, но каждый раз умолкает – он уверен, что ему не поверят, высмеют. Однажды, пьяный, он исповедуется жене (свадьба состоялась), но, заметив, что та слушает его с недоверием, как будто даже с опаской – не заболел ли мой муж, он, кажется, измотан работой, не нужен ли ему отдых? – немедленно спускает рассказ на тормозах и, рассмеявшись, спрашивает: «Что, поверила? Видишь, из меня мог бы получиться хороший прозаик, умею придумывать всякие истории».

Неожиданно приходит новость, что профессор умер. Несколько лет назад, после смерти жены, он вышел на пенсию, и У. его с тех пор не видел. Он идет на похороны, и когда подходит к дочери профессора, уже вполне взрослой, чтобы выразить ей соболезнование, та говорит, что отец завещал ему свой архив. У. поражен, после защиты диссертации он с профессором практически не общался. Его голову посещает невероятная мысль: а что, если профессор все-таки не уничтожил письма, может, они там и лежат, в его архиве, в той самой коробке, может, именно по этой причине профессор доверил архив ему?

Он принимает наследство, начинает работать. Архив немалый, в квартире У. он бы не поместился, но дочь предлагает У. приходить к ним домой, она задумала продать квартиру, но не сразу, хочет выждать какое-то время. У. соглашается и начинает в конце каждой недели ездить к профессору. Дочь угощает его чаем, печеньем, они дружески беседуют. У. замечает, что она почему-то недолюбливает отца, это вызывает в нем удивление, но и симпатию – возможно, он был прав, когда в душе осудил профессора, возможно, тот был не таким уж благородным человеком, как казался?

Разгадка приходит неожиданно: после долгих поисков, на самом дне одного из ящиков, У. находит сокровенную коробку. Он возбужден, думает, что плюнет на все и все-таки опубликует эти письма, но, открыв коробку, обнаруживает в ней совсем другие письма, не пожелтевшие, а свежие. У. начинает читать и вскоре понимает, что это – переписка профессора со своей любовницей, известной актрисой. Для него становится понятно неодобрительное отношение дочери к отцу. Он представляет, какой шок вызовет публикация этих писем в литературном сообществе, профессор ведь слыл не только крупным специалистом, но и добрым семьянином.

Вдруг до него доходит, что это – чужие письма. Он открывает дверцу голландской печи, лихорадочно бросает письма, одно за другим, внутрь и чиркает спичкой.

Без тещи

Развод похож на землетрясение. Все вокруг качается и грохочет, обваливаются стены, падают камни, пыль забивается в глаза, нос, даже в рот... Когда она наконец развеется и ты согласишься взглянуть вокруг, то увидишь, что твой дом в развалинах, жена умерла – для тебя – дети куда-то исчезли...

После развода я приходил в себя три года. Да, я ходил на работу, спорил с владельцем, ругался с подчиненными и приносил предприятию прибыль, но все это происходило словно во сне, потому что мысли мои были далеко, перед глазами стояли сцены из предыдущей жизни, из лабиринта которых я все еще искал выход – вот если бы я сказал так, а не так, сделал бы это, а не то...

Каждое воскресенье утром я садился в машину и ехал в К. – поселок в нескольких десятках километров от столицы, где жил мой друг детства Виктор с женой и двумя хорошо воспитанными детьми. В их большом хозяйстве всегда было чем заняться – привести в порядок, починить; я помогал чем мог и, вбивая гвоздь в стену теплицы или разгружая навоз с прицепа, забывал на пару часов свои проблемы. Летом мы ездили купаться, море было недалеко, а затем ели то, что нам готовила на обед Криста, тихая, скромная жена Виктора. Иногда выпивали рюмку-другую, тогда я становился сентиментальным и говорил, как я им благодарен, что они делятся со мной своей домашней теплотой. Тут они оживлялись и начинали меня убеждать, чтобы я снова женился.

– Ты только не подумай, что ты нам надоел, – объяснял Виктор. – Наоборот, мы прямо ждем воскресенья, без тебя мы бы здесь от скуки рехнулись. Но, на мой взгляд, это ненормально, что такой серьезный, толковый мужик, как ты, живет словно одинокий волк. Криста, не правда ли, Айн словно создан для того, чтобы заботиться о семье?

И Криста, которая после бокала вина тоже раскрепостилась, поддерживала идею мужа, добавляя, что мир полон женщин, мечтающих о таком супруге, как я.

Обычно на их настойчивые советы я реагировал шутками, но однажды, сам не знаю почему, на меня нашел порыв откровенности, и я выложил, что меня смущает при мысли снова жениться.

– Видите ли, – начал я, – подходящую жену я, возможно, и нашел бы, я уже не мальчишка, как тогда, когда в первый раз женился, разума немного прибавилось, наверно, сумел бы подобрать такую, с кем можно жить под одной крышей. Но беда в том, что женятся не только на будущей супруге, но и на всей ее родне во главе с тещей. И вот этого я вторично не вынесу. Я вам не говорил, но мой первый брак полетел к черту именно из-за тещи. Она не давала нам покоя, заходила восемь дней в неделю, все учила, учила, учила, как делать то и как другое, вообще, как жить – и если я с ней, бывало, не соглашался, то оскорблялась и начинала настраивать дочь против меня. Однажды я обнаружил, что мне уже некуда приходиться после тяжелого рабочего дня, дома невозможно расслабиться, меня вынуждают изо дня в день бороться за свои предпочтения, привычки, мировоззрение, наконец. И вот проделывать снова все это я не желаю. Я даже своих детей не вижу, потому что их воспитывает теща...

За столом стало тихо, Виктор, наверно, не нашел, что сказать, я знал, что он сам с трудом выносит свою тещу, которая, на его счастье, жила в другом конце Эстонии; ситуацию разрядила Криста, неожиданно выпалив:

– А ты женись на сироте!

Я рассмеялся и попробовал снова отшутиться («Как ты это себе представляешь, что я буду у каждой девушки, которая мне приглянется, спрашивать: „Простите, вы случайно не сирота?“»), но идея была брошена в благодатную почву, и, вернувшись домой, я без особого труда сочинил текст для газетного объявления в рубрику знакомств:

«Материально обеспеченный мужчина среднего возраста желает с целью женитьбы познакомиться с девушкой, оставшейся без поддержки родителей и семьи».

Ответов прибыло итого сто семьдесят восемь, и я вскоре понял, чем такой способ знакомства разумнее обычного, которое происходит на курорте, на дискотеке или в казино. Наше первое впечатление о человеке определяется его внешним обликом, а это мало что может сказать о его характере – сейчас же передо мной открылись, могу сказать без преувеличения, почти двести душ. Когда ты пишешь о себе, невозможно скрыть особенности личности, они так или иначе проявятся, хотя бы в выборе длинных либо коротких предложений, плавных или отрывистых, не говоря уже о лексиконе, который, как лакмусовая бумажка, показывает интеллектуальный уровень человека.

Я дошел с чтением примерно до половины, когда мое внимание привлекло одно письмо, из которого, как мне показалось, веяло безграничной печалью. Некая Ангелина писала, что в детстве осталась сиротой, ее отец, моряк дальнего плавания, утонул, мать же, не в силах вынести утрату, умерла через несколько лет. Сама Ангелина выросла в детдоме, она окончила школу, живет одна, снимает небольшую квартиру на окраине и работает воспитательницей в детском саду.

«Вряд ли вы мною заинтересуетесь, я самая обычная девушка, только, в отличие от многих, мне не нравятся шумные компании, я предпочитаю сидеть дома и читать. Я привыкла к одинокому образу жизни, у меня никогда не было настоящего друга или подруги, и если я решила вам написать, то лишь потому, что подумала – а может, вы тоже не такой, как все».

Я немного опасался, что она окажется уродиной, но, увидев, успокоился – красавицей назвать ее было трудно, но очаровательной – вполне. Стеснительная, с пугливыми карими глазами и худая, ужасно худая или, вернее, хрупкая, она с первого взгляда вызывала симпатию, возможно, даже жалость. Мне не понадобилось много времени, чтобы прийти к выводу: именно такая жена – беззащитная, с мягким характером, мне и нужна; через два месяца мы поженились.

Ангелина поселилась в моем доме, хлопотала, устраивала все по своему вкусу. Мне это нравилось, я радовался, когда видел, что она привыкает к новой жизни. Последние годы я старался задерживаться на работе, теперь меня стало рано тянуть домой, где меня ждал накрытый стол и приятные часы с женой и радиостанцией классической музыки – Ангелине, как и мне, не нравился модный грохот, она предпочитала Вивальди и Чайковского. Было еще немало такого, что нас объединяло, я ведь тоже несколько лет назад потерял родителей и чувствовал себя немного сиротой, правда, мои отец и мать были уже пожилыми, но тем не менее после их смерти я обнаружил, что у меня не осталось ни одного близкого человека. Как раз подошел день рождения отца, я имел привычку ездить по этому поводу на кладбище, так я поступил и в этот раз, взяв с собой Ангелину. Когда мы очистили могилу от веток и положили на нее цветы, я спросил у Ангелины:

– А где могила твоих родителей? Надо бы и ее привести в порядок.

– Я же говорила, отец утонул, его тела так и не нашли.

– А мать? Где ее прах покоится?

Ангелина сделала вид, что не слышит мой вопрос, но я заметил, что она напряглась. Это показалось мне странным, на кладбище я продолжать разговор не хотел, но во время ужина вернулся к этой теме:

– Так где же похоронена твоя мать?

Ангелина снова не ответила, встала и начала убирать со стола, но на этот раз я не уступил:

– Прошу тебя, ответь, я хочу знать! Ты говорила, что она умерла, когда ты была маленькой, но это ведь не означает, что ты не знаешь, где ее могила?

Ангелина заплакала, я оставил ее в покое, но через полчаса, когда она при свете торшера читала «Красное и черное» – или, вернее, делала вид, что читает, – я подошел и сел рядом с ней на диване.

– Ангелина, – сказал я, нежно положив руку ей на плечо, – ты прости, что я настаиваю, но я не хочу, чтобы между нами возникла хоть малейшая дисгармония. Я рассказал тебе о себе все, не только хорошее, но и плохое, и жду от тебя того же самого. Признайся, что случилось с твоей матерью? Что ты скрываешь от меня?

Я ощутил, как она вновь напрягается, обнял ее крепче и добавил:

– Все равно, что там за тайна, знай, что для меня от этого ничего не изменится, я люблю тебя и буду любить всегда.

Наконец сопротивление Ангелины ослабело, и я услышал из ее уст подтверждение тому, о чем уже догадывался, – что она сказала мне неправду и на самом деле вообще не знает, кто ее родители.

– В детдоме мне сказали, что мама от меня отказалась.

– И ты не поинтересовалась, кто она?..

– Я не осмелилась. Я боялась, что...

Она не закончила и снова зарыдала. Я обнял ее крепко-крепко, сказал что-то вроде: «Бедная малышка», – еще раз поклялся, что мое отношение к ней не изменится, но на самом деле почувствовал, что в душу проникает нечто холодное и липкое. Страх Ангелины перед мыслью о том, кем была ее мать, был вряд ли сравним с тем ужасом, который ощутил я. Алкоголичка, возможно, даже наркоманка, наверняка ветреная, очень может быть, что и проститутка, или еще, что похуже, – убийца, например. Об отце вообще не стоило говорить, там можно было ожидать чего угодно. Хотя Ангелина и не росла с ними, это не означало, что наследственные черты однажды в ней не проявятся. И даже, если этого не будет, гены ее родителей могут перейти к нашему ребенку, о котором я уже всерьез задумывался. А что, если родится урод?

Вдруг я понял, почему желание найти жену «без тещи» было заведомо ложным – ведь такой не существует! Каждую кто-то родила. Я вспомнил, как некогда мой однокурсник, еврейский юноша, в шутку порекомендовал мне выбрать жену не по ее данным, а по данным ее матери, потому что «они все в один день становятся похожими на мать». Я совершил философскую ошибку и вынужден был теперь за нее расплачиваться. В том числе и в прямом смысле, денежными купюрами – потому что вынести неопределенность я не мог. Ничего не сказав Ангелине, я на следующий день полистал телефонный справочник и нашел несколько персон, предлагающих услуги частного детектива, выбрал одного, который показался мне более надежным, и позвонил. Я не транжира, но, когда ситуация требует, не скуплюсь. Мне пришлось заплатить немалую сумму, но зато уже через неделю я имел вожеленный ответ, который был мне деликатно передан в закрытом конверте. Я вышел из кафе, где происходила встреча, сел в машину и с нетерпением разорвал конверт.

Это случилось в пятницу, а в воскресенье я посадил Ангелину в машину, чтобы наконец и Виктору с Кристой показать свою избранницу. Мы провели вчетвером прекрасный день. Мои друзья отнеслись к Ангелине с величайшей предупредительностью, и я увидел, что и она сама словно оттаивает, обретает уверенность; она даже рассмеялась несколько раз от всего сердца, весело, беззаботно.

Сам я смотрел на все это немного как бы со стороны, потому что искал ответ на несколько важнейших вопросов. Во-первых, меня, конечно, интересовало, сможет ли мать узнать ребенка, которого она не видела с рождения, как бы «голосом крови»? Нет, ни одного намека на это я не заметил. Второй вопрос, который меня мучил, был еще сложнее: можно ли жить и быть счастливой, когда ты знаешь, что оставила на волю судьбы рожденную по девичьей глупости дочь? Кроме разве этой детали, я все же мог быть довольно спокойным относительно нашего будущего ребенка – особо скверных генов от Кристи ждать не приходилось.

Судья

Поклоняясь Мопассану

Эту историю рассказал мне доктор Х., психиатр.

«Несколько лет назад к нам привезли пациента, сделавшего попытку самоубийства. Обычно подобные люди не имеют психических расстройств, скорее, их характеризует отсутствие воли – они не в силах участвовать в борьбе за существование и таким экстраординарным поступком хотят привлечь к себе внимание, надеясь на то, что кто-нибудь поможет и позаботится о них. Однако на этот раз это был совершенно другой тип личности. Начнем с того, что его никак нельзя было называть „сдавшимся“ жизни. По обычным меркам, это был весьма преуспевающий человек, по профессии судья, и притом судья известный, чье имя слышал и я. Он был женат, его дочери недавно исполнилось восемнадцать, финансовые проблемы у семьи отсутствовали – у судей высокая зарплата, – дурные привычки тоже. Он не пил, не курил, не увлекался азартными играми. Иногда пытаются покончить с собой безнадежно больные – нет, и со здоровьем у него все было в порядке, разве что некоторые возрастные недуги, как, например, высокое давление; но это ведь не причина, чтобы вскрывать себе вены! Нашлась одна-единственная зацепка – некоторое время назад он был свидетелем гибели человека. Некий молодой человек в нетрезвом состоянии упал с лестницы в подъезде его дома и разбился насмерть. Труп нашел судья, он услышал шум на лестнице и вышел. Мог ли он быть причастен к этой трагедии? А вдруг он знал погибшего? От судьи мне объяснения услышать не довелось, он упрямо молчал, но его жена объяснила, что я ошибаюсь, муж видел юношу впервые в жизни.

Наладить контакт с судьей не удавалось долго. Обычно мы довольно быстро отправляем самоубийц домой, ждем лишь, пока психологическое состояние стабилизируется, опасности для общества они ведь не представляют – только для себя; но на этот раз я медлил с выпиской – хотел разобраться, что мучает этого человека.

Прошло недели две, прежде чем судья впервые посмотрел на меня – до этого он, уставшись в пол, машинально отвечал на мои вопросы, в основном „да“ и „нет“.

– Вы не хотите меня отпустить? – спросил он.

– Хочу, но не могу, пока не убежусь, что вы не повторите свою попытку.

Он некоторое время молча глядел на меня и затем произнес:

– Этого я вам обещать не могу.

И снова замкнулся.

И все же мне показалось, что с этого момента в нем начался некий незримый процесс: раньше меня для него как будто не существовало, теперь он стал следить за мной – и я вынужден признать, что почувствовал себя под его взглядом жутковато: ведь все мы люди, все совершаем ошибки, нарушаем закон – я тоже нарушал, уклонялся от уплаты налогов; он же был как-никак представителем закона.

Важнейшее качество человека – это умение задавать себе вопросы; вспомнив об этом, я спросил себя: почему он меня изучает? Ответ мог быть только один: он прикидывает, рассказать ли мне о том, что у него на душе, или нет.

– Предлагаю вам сделку, – сказал он мне однажды. – Вижу, вы – человек мыслящий. Я расскажу вам одну историю. Можете ею пользоваться в своей практике, можете даже написать на эту тему научную статью. Но вы ни в коем случае не должны связывать ее с моей личностью.

– Есть такая штука, как врачебная тайна.

– Этого мне недостаточно.

– Вы имеете в виду, что мне нельзя будет эту историю записать в ваш анамнез?

– Именно.

Я поколебался – но любопытство оказалось сильнее общепринятых правил.

– Обещаю.

Он помолчал, наверно, размышлял, с чего начать, и, решившись, заговорил:

– В молодости я охотно прожигал жизнь, но после окончания университета остепенился. Работа увлекла меня, на глупости не оставалось времени. Скоро я женился, мою жену вы видели, это интеллигентная, разумная женщина. Я был с ней счастлив двадцать лет. Возможно, именно благодаря ее хорошей интуиции я не слишком крепко связал себя с предыдущей властью, посему моя карьера после развала СССР пошла в гору – таких, как я, в нашей системе было немного, большинство себя хоть чем-то, да запачкали. Если вкратце, то все могло бы быть замечательно, но, как вы, возможно, знаете, хотя бы теоретически, ибо вы еще молоды, – однажды у всех мужчин наступает возраст, когда они становятся словно безумными. Наверняка здесь задействованы какие-то физиологические процессы, которые еще не распознали или распознали, но не нашли подходящего средства для борьбы с ними. Со мной случилось нечто подобное.

Он выдержал короткую паузу, словно вспоминая нечто, и это „нечто“, должно быть, вызвало приятные ощущения, так как на его устах на мгновение появилась печальная улыбка.

– В наш суд поступила на работу практикантка, весьма смышленная девушка. Не буду вам ее описывать, потому что это не имеет значения – важно лишь то, что она была молода. Иногда мне кажется, что на ее месте могла быть любая девушка, иногда я в этом сомневаюсь. В любом случае я потерял голову. Скорее всего, этого не произошло бы, если бы она стала чинить мне препятствия, но она тоже обезумела, чего я не мог понять тогда и не могу сейчас.

– Ничего удивительного в этом нет, есть тип молодых женщин, которым нравятся мужчины заметно старше их, – вставил я, чтобы его подбодрить.

Он бросил на меня взгляд, полный такого презрения, что я, кажется, даже покраснел.

– Роксана – назовем ее так – жила в съемной квартире вместе с подругой. Родом она была из Южной Эстонии, мать вырастила ее и ее брата-близнеца одна, отца она никогда не видела, это был некий латыш. Вы знаете, зарплата судьи высокая, даже очень высокая, на фоне нашей всеобщей бедности, так что мне не составило труда снять для нее маленькую квартирку в центре, недалеко от здания суда. Жене я, разумеется, ничего не говорил, возможно, она догадывалась, что у меня кто-то есть, но, как я сказал, она – умная женщина, и она промолчала, даже не подала виду, что что-то не так. Дочь мы как раз послали учиться в Англию, в Кембридж, это важная деталь, потому что она – девушка проницательная, и, если бы была дома, мне трудно было бы провернуть эту аферу. Естественно, как все мужчины в такой ситуации, я тоже не думал о далеком будущем, максимум – смотрел вперед на две-три недели. Тем не менее безумие было настолько сильное, что я вполне мог в один прекрасный день упаковать чемоданы и перебраться к ней – но раньше случилось нечто ужасное.

Он выдержал еще одну паузу, и я заметил, что его лоб покрылся испариной. Было видно, что ему приходится прилагать огромные моральные усилия, чтобы продолжить, мне даже показалось, что он вот-вот замолкнет и не скажет больше ни слова; но, наверно, это была натура, которая не может остановиться на полпути, так что он снова открыл рот:

– Однажды Роксана поехала на уик-энд в деревню, навестить маму, и вернулась сильно взволнованная. Подруга, с которой она прежде делила квартиру, была родом из того же поселка на юге Эстонии, и она разболтала, что у Роксаны старик-любовник. Слух дошел до матери Роксаны, и она устроила ей форменный допрос – кто этот «старик», какие у него планы и так далее. Под нажимом Роксана во всем призналась, скрыв лишь мое имя – дескать, старший, опытный коллега. Мать потребовала, чтобы она немедленно порвала со мной. Вы знаете, в деревне сохранились нормы морали, которые у нас, в городе, давно исчезли. Роксана, припертая к стенке, обещала матери, что даст мне волчий паспорт, но мать, наверно, не поверила,

потому что посвятила в историю брата Роксаны, который работал в Хельсинки водителем. Тот позвонил Роксане и пригрозил неприятностями – неприятностями, естественно, для меня.

Я успокоил Роксану, насколько мог, но, разумеется, был и сам встревожен. Я был достаточно опытен, чтобы знать – ни одна любовная история не касается только данной пары, она затрагивает еще множество других людей: родственников, друзей, знакомых. Почему-то я до этого момента думал только о тех конфликтах, которые могли возникнуть в моей семье, а совсем не о том, что и у Роксаны есть близкие, и им наши отношения тоже могут не понравиться.

Несколько дней меня не покидало дурное предчувствие, но ничего не произошло, и я успокоился. На всякий случай мы с Роксаной избегали новых встреч, но через несколько дней я не выдержал и снова пошел к ней. На обратной дороге мне показалось, что кто-то за мной следит, но я отогнал это подозрение. Зайдя домой, я только успел переодеться и отправился мыть руки, как раздался звонок. Что-то подтолкнуло меня заторопиться в прихожую, чтобы опередить жену. Открыв дверь, я увидел в подъезде агрессивно настроенного молодого человека и сразу понял, что это – брат Роксаны. Я не хотел, чтобы жена слышала наш разговор, вышел из квартиры и прикрыл дверь. Юноша был под хмельком, наверно, выпил до прихода „для храбрости“. Он начал, безо всякого почтения к моему возрасту, раздраженно выпытывать, чего я хочу от его сестры, серьезные ли у меня намерения, или я всего лишь забавляюсь с ней. Он даже говорил мне „ты“, что меня раздражало, но я заставил себя сохранять хладнокровие, так как знал, что в Финляндии так принято. Я не стал ничего отрицать, вместо этого попытался его успокоить, объяснил, что Роксана мне дорога, но я еще не решил окончательно, как поступить, потому что у меня семья. Может, я повел себя неправильно, может, следовало быть с ним строже, но он все же был братом моей любимой, и я не хотел с ним ссориться. Увы, как всегда, доброжелательность привела к обратному результату, он принял это за слабость и повысил голос, кроме того, сделал шаг по направлению ко мне и угрожающе поднял руку. Тут это и случилось – я хотел только слегка его оттолкнуть, но то ли не рассчитал силу толчка, то ли он неуверенно держался на ногах, в любом случае он попятился, споткнулся и упал с лестницы.

Я последовал за ним – он безжизненно лежал на полу, ударившись затылком о чугунную батарею.

Далее я потерял голову. Я вернулся в квартиру и признался жене, что я только что убил брата своей любовницы. Она, я уже говорил – умная женщина, и я смог в этом в очередной раз убедиться. Не сделав мне ни малейшего упрека, она немедленно сосредоточилась на решении проблемы.

– Ты ударил его? – спросила она.

– Нет, только оттолкнул.

Она подумала.

– Это необязательно говорить полиции.

– А что мне сказать, если они спросят, знаю ли я его?

– Говори правду, все равно выяснят. Но попроси сохранить в тайне. Это твоя частная жизнь, она никого не касается.

Человек – существо слабое, трусливое; я поддался уговорам жены. Она еще порекомендовала, чтобы я положил в карман трупа пятьсот крон и сказал, что юноша приходил ко мне просить денег в долг, что исключило бы мотив убийства, но этого я делать не стал – я все-таки юрист и знаю, что означает подделка улики. Вызвав полицию, я объяснил, что, да, между нами произошла небольшая ссора, но в итоге мы мирно разошлись, я вернулся в квартиру, и тут услышал в подъезде сильный шум, вышел снова и обнаружил его там, этажом ниже, на полу. Никто в моих словах сомневаться не стал – все меня знают, мой авторитет в юридическом сообществе достаточно высок. Даже Роксана поверила. Сразу после того, как полиция удалилась, я поехал к ней. Жене я обещал, что это будет наша последняя или, вернее, предпоследняя встреча.

– Мне надо взять на себя похороны, – сказал я ей.

– Это неизбежно?

– Да, я чувствую, что это – мой долг.

Она подумала.

– Может, ты и прав. Если будешь избегать похорон, то этим как будто признаешь себя косвенно виновным.

Так и случилось, что с матерью Роксаны я познакомился в крематории. Я поздоровался с ней, выразил соболезнование, но сразу заметил, что она не слушает, а потрясенно смотрит на меня.

– Роксана, оставь нас на минутку вдвоем, – сказала она.

И, когда Роксана отошла, она спросила:

– Ристо, неужели ты не узнаешь меня?

Я действительно не узнал, с нашего знакомства прошло четверть века, но она напомнила мне кое-какие обстоятельства, и во мне пробудилось смутное воспоминание. В дни защиты диплома у меня был короткий роман с одной молодой филологиней; на самом деле, даже глупо называть это «романом», мы встретились лишь однажды, у меня тогда был предельно циничный принцип: ни с одной девушкой больше одной ночи. С трудом вспомнил еще, как я удивлялся тому, что она оказалась невинной.

– Ристо, я была тогда молода и неопытна, я даже не догадалась обратиться к врачу, пока не стало слишком поздно.

– Вы хотите сказать...

Я был не в силах говорить ей „ты“.

– Да, это твои дети. Родителям я сказала, что у меня был роман с одним латышом.

Мы смотрели друг другу в глаза, и это была страшная минута, притом что она даже не подозревала, что на самом деле случилось в подъезде.

– Роксана никогда не должна об этом узнать, – сказал я наконец.

– Да, разумеется, – согласилась она.

После окончания похоронной церемонии я сразу же сел в машину и поехал домой. Можете себе представить психическое состояние человека, который только что узнал, что он неоднократно занимался любовью с родной дочерью и убил собственного сына? В ту же ночь я вскрыл себе вены. Увы, жена была настороже и вызвала „скорую“...

Судья замолчал, молчал и я. На следующий день я выписал его из больницы, и через пару недель увидел в газете его некролог».

Тайна

Моя мать умерла, когда мне было тридцать. Она долго болела, некоторое время лежала в больнице, а когда надежды угасли, мы привезли ее домой. Не думаю, чтобы я один отважился на такой шаг, но моя жена работала медсестрой и взяла на себя уход за ней: она знала, насколько я привязан к матери. Наш сын тогда еще был маленьким, и я боялся, что домашняя трагедия может плохо повлиять на его психику, но Ребекка успокоила меня, объяснив, что дети лишены эмпатии; она сказала, что скорее это принесет пользу, потому что из детей, выросших в стерильных условиях, нередко получаются монстры.

Недели через две после похорон я начал разбирать вещи в мамином комод, чтобы определиться, что оставить на память, а что выкинуть; в квартире следовало сделать кое-какие перестановки. После матери осталось немало снимков: было время фотобума, и ей, как вообще всем женщинам, нравилось позировать перед объективом. Исключая детство – те фотографии сгорели во время войны вместе с домом ее родителей – перед моими глазами развернулась вся ее жизнь: окончание школы, первое место работы... Дойдя до свадебных фотографий, я почувствовал в сердце знакомую боль: мои родители быстро развелись, отец, человек с крутым характером, безосновательно ревновал мать и превратил ее существование в ад; она не выдержала, забрала меня и переехала к своей маме, где мы прожили много лет в крохотной комнатенке, без бытовых удобств и с противной соседкой, которая так и не смирилась с тем, что ей пришлось делить с кем-то квартиру, в буржуазное время принадлежавшую ей одной. Помню наше счастье, когда маме выделили новую квартиру на Мустамяэ, ту самую, куда я потом привел Ребекку и где сейчас сидел на краю кушетки и, растроганный, рассматривал мамины фотографии.

Под снимками я обнаружил две пачки писем: одну толстую, другую тонкую. Первую сразу узнал по почерку: это были мои послания матери, отправленные из самых разных мест, где я учился, работал или проводил отпуск: из Тарту, Ленинграда, Сааремаа, Сочи...

«Дорогая мама!» – начинались эти письма. «Дорогая Мина!» – прочел я на верхнем пожелтевшем листке в другой пачке, на листке, в левом верхнем углу которого было фото – парк Кадриорг, если еще помните такого рода писчую бумагу.

Я развернул пачку; возможно, мне не стоило этого делать, но – положила руку на сердце – кто бы поступил иначе?

Прочитав первое письмо, я почувствовал, что невольно краснею. Да, это было самое что ни на есть любовное письмо, и отправил его маме отнюдь не мой отец. Думаете, что тут такого, мама рано развелась, естественно, у нее могли случаться романы, она ведь женщина; но даты указывали на более ранний срок.

Неужели отец был прав?

Мое удивление возросло, когда я прибавил к датам – письма были написаны в течение короткого промежутка, за одно лето – девять месяцев и получил время своего рождения.

Может, мне следовало хоть сейчас остановиться, выкинуть письма в мусорную корзину и все забыть, но опять-таки – кто на моем месте смог бы это сделать?

История скрывает множество тайн, мы никогда не узнаем, на самом ли деле Лукреция Борджиа отравляла своих врагов, или это всего лишь сплетни, так же, как не узнаем, умер ли Ленин своей смертью, или Сталин этому поспособствовал...

Передо мной стояла, вернее, лежала на моих коленях такая же тайна, и я решил, что попытаюсь ее раскрыть.

Стиль посланий обнаруживал образованного человека с поэтическим складом характера и изящным слогом, и, после того как я прочел на единственном сохранившемся конверте имя

и фамилию отправителя, я понял, что не ошибся – это был один из известнейших наших писателей; конечно, когда мама с ним познакомилась, он делал в литературе первые шаги.

На следующий день я позвонил ему, представился и сказал, что хотел бы встретиться.

– По какому делу, можно спросить? – поинтересовался он вежливо.

– По личному.

Поскольку фамилия моя – одна из самых распространенных в Эстонии, я был почти уверен, что он не сможет так вот сразу понять причину моего звонка; он все же заколебался, наверное, размышлял, чего я хочу: денег в долг или поговорить о неудавшейся жизни; однако наши писатели, кажется, страдают от нехватки внимания, так что он быстро согласился и позвал меня на следующий день в гости.

Перед тем как отправиться к писателю, я зашел к отцу, которого видел довольно редко: я сам и вовсе не общался бы с ним, но мать настаивала, чтобы я иногда ходил к нему, наверное, считала, что сыну нужен отец, каким бы он ни был. Никакой радости эти встречи мне не доставляли: отец не скрывал своей враждебности по отношению к матери, и мне стоило немалого труда, чтобы не накричать на него и уйти, не хлопнув дверью. После смерти мамы я даже подумал, что прекращу эти бессмысленные визиты, от которых одни огорчения – отец не соизволил даже явиться на похороны. Но теперь, в новых обстоятельствах, мне казалось, что надо бы поделиться с ним открытием. Чувствовал ли я вину за то, что считал его порывы ревности безосновательными? Возможно, однако отец быстро затоптал ростки моего раскаяния, кинув презрительную реплику:

– Да я всегда знал, что твоя мать – шлюха.

Почувствовав себя оскорбленным – кому хочется быть сыном шлюхи? – я поспешно ушел; в этот момент я вполне понимал мать: само собой, живя вместе с таким отвратительным типом, хочешь хоть на короткий срок сблизиться с другим – чутким человеком.

Писатель провел меня в гостиную, налил мне, невзирая на дневное время, рюмку коньяку и сказал:

– Рассказывайте, что у вас на душе.

Мне показалось, что в течение этого времени он успел поразмыслить над моим звонком и, хотя бы в качестве версии, вспомнил о маме.

Я вынул из кармана пиджака пачку писем и молча протянул писателю.

Он развязал тесемку, быстро пробежал глазами по первому, второму, третьему посланию, бегло улыбнулся, словно вспомнив о чем-то приятном, и спросил:

– Что именно вас интересует?

Я стал рассказывать о болезни матери, о ее смерти, но он нетерпеливо прервал меня:

– Да, я в курсе, видел объявление в газете.

Это звучало почти как признание.

– Значит, это правда? – спросил я, показав на пачку.

– Естественно, правда, – пожал он плечами. – Ну да, это мои письма. Но в чем все-таки дело?

– Видите ли, – продолжил я, запинаясь (я был молод и не привык к такой откровенности), – я сопоставил даты написания писем и моего рождения...

Я говорил путанно, но он все понял.

– Вы хотите знать, не мой ли вы сын?

Я кивнул.

Он молчал какое-то время.

– Да, но если бы я мог это сказать...

Я возмутился, мне показалось, что он хочет отвертеться. Неужели он боится, что я буду предъявлять материальные претензии, добиваться, чтобы меня внесли в список наследников?

Писатель жил небедно, мы сидели в его просторной квартире в центре города, обставленной по тем далеким советским временам весьма неплохо: румынская мебель, картины на стене, безделушки на полках и, конечно же, книги, огромное количество книг, что в моих глазах представляло наибольшее богатство, но все равно я пришел к нему не по меркантильным соображениям.

– Что-то вы все-таки должны знать, – сказал я, возможно, немного резко. – По письмам трудно понять, как далеко зашли ваши отношения с моей мамой, но для вас это ведь не секрет?

Он покачал головой:

– Вы не поняли меня. Почему вы считаете, что я обязан это помнить?

Я почувствовал, что меня охватывает ярость: вот это действительно было оскорбительно.

– Не знаю, сколько у вас в молодости было любовных историй, – сказал я, с трудом подавляя гнев, – у меня немало, больше двадцати, но, несмотря на это, я помню совершенно четко, с кем добрался до постели, а с кем нет.

– Вы все еще не понимаете меня, – сказал он мягко. – Вы рассуждаете согласно логике обычного человека, но я не обычный человек, я писатель. Я творю новый мир, и я не могу сотворить его из пустоты, мне нужны для этого и воспоминания, и воображение. Повторяю: воспоминания и воображение. Это две совершенно разные вещи, но чтобы родилось произведение, они должны смешаться.

Он посмотрел на меня с благосклонным вниманием, словно в первый раз отыскивая на моем лице знакомые черты.

– Видите ли, беда в том, – продолжил он, – что, после того как они смешались, очень трудно их снова разделить. Вот я и не знаю про многое в своей жизни, случилось ли оно на самом деле, или это всего лишь плод моей фантазии. Эпизод с вашей матерью не исключение. Да, я помню, что мы одновременно отдыхали в Вызу, катались на велосипеде в Кясму и обратно, танцевали в Доме культуры. Впоследствии я дважды использовал этот эпизод в своем творчестве; в одном варианте все закончилось победой, если вы понимаете, что я имею в виду, а в другом, наоборот, я остался с носом. И даю вам слово чести, что не могу сказать, какой из двух соответствует действительности.

Слово «эпизод» вновь задело меня, но в целом мой гнев успел развеяться; я не настолько глуп, как может показаться, и был способен поставить себя на его место.

– Теперь я все понял, – сказал я спокойно. – В таком случае у меня к вам вот какое предложение.

Ребекка говорила мне, что отцовство определяют по группе крови; правда, она объяснила, что это годится только, так сказать, в отрицательном смысле, помогая определить тех, кто отцом быть никак не может; но и это лучше, чем ничего.

Довольно путанно я изложил свою идею и закончил так:

– Можно мне прийти к вам еще раз, уже вместе с супругой, чтобы она взяла у вас кровь на анализ?

– В этом нет необходимости, – сказал писатель.

Он порылся в ящиках письменного стола, потом встал, подошел к книжной полке, искал там что-то, наконец, ударил себя ладонью по лбу и поспешно вышел из гостиной.

Пока он занимался поисками, я внимательно наблюдал за ним, пытаясь найти какие-то общие черты, однако безрезультатно: писатель широк в плечах, я худой, он сутулился, я держался прямо, цвет его глаз мне с такого расстояния и за очками рассмотреть не удалось, но его линия подбородка была заметно мужественнее, чем у меня; правда, пока это ни о чем не говорило, поскольку, по общему мнению, я пошел в маму.

Единственное, в чем мы с писателем действительно имели сходство, это нос: у нас обоих он был крупным.

Скоро он вернулся и протянул мне документ в красной корочке.

– Посмотрите сами, я попросил отметить в паспорте группу крови – на всякий случай, если что-нибудь произойдет.

«Трус, – подумал я про себя, – трясется за свою жизнь, но номер группы в записную книжку переписал».

– Большое спасибо, – сказал я, вставая, – я позвоню, когда что-нибудь выяснится.

– А я обещаю, что постараюсь вспомнить, что же тогда могло случиться, – ответил он дружелюбно, даже с некоторой нежностью; мой отец никогда в жизни со мной так не разговаривал.

Мне было неловко просить вернуть мне письма, но он сам решил эту проблему, безмолвно протянув мне всю пачку.

На следующее утро вместе с Ребеккой я пошел в поликлинику, где она взяла у меня кровь на анализ. Я уже несколько дней назад рассказал ей о своем открытии, просто был не в силах молчать.

– Надеюсь, что в больнице, где лежала мать, сохранились ее данные, – сказал я, когда Ребекка через некоторое время вернулась.

– Это не имеет значения, – сказала она. – Все и так ясно. У этого человека первая группа, а у тебя четвертая. Такое сочетание невозможно. Ты не его сын.

Я был разочарован, поскольку уже стал привыкать к мысли, что мой отец – известный писатель, и даже прочел вчера вечером один из его романов; теперь он сразу почему-то показался мне не таким интересным, как накануне.

– Ну, по крайней мере, тайна разгадана! – улыбнулся я храбро.

Из поликлиники я пошел прямо к отцу и рассказал ему, что произошло за эти дни.

– Прости, что позволил себе сомневаться в твоём отцовстве, – закончил я. – Но тебе, надеюсь, все это пошло на пользу, может, ты теперь изменишь свое отношение к маме?

Он посмотрел на меня и вдруг гомерически расхохотался. Открыв ящик письменного стола, он вытащил какую-то коробку, оттуда – паспорт, открыл его и сунул мне под нос.

– Теперь ты согласишься, что твоя мать – шлюха?

Я заглянул в паспорт: у моего отца оказалась та же группа крови, что и у писателя.

Ребекке о беседе с отцом я не сказал; снимки мамы выкидывать не стал, но с тех пор ни разу к ним не притронулся.

Эликсир истины

Когда мне стукнуло сорок пять, давление начало прыгать. Жизнь была нервной, на работе приходилось постоянно отбивать атаки молодых, дома хныкала жена, ипотека дамокловым мечом висела над головой: что-нибудь случится – не только лишишься крыши, но и навеки останешься должником. Наш семейный врач мне никогда не нравилась, это была молоденькая ухоженная дамочка, которой больше подошла бы работа телевизионного диктора; каждый раз, когда она затягивала на моем предплечье манжету тонометра, я смотрел на ее длинные, окрашенные в фиолетовый цвет ногти и думал: почему она не выучилась на хирурга, обошлась бы без скальпеля. На курсах, устроенных фармакологической фирмой на одном из средиземноморских островов, ей внушили, что с давлением необходимо непрестанно бороться, то есть принимать и принимать лекарства, желательно до конца жизни, и она следовала этим инструкциям со старательностью комсомолки, если кто-нибудь еще может понять смысл этого сравнения. Я спокойно выслушал ее рекомендации, поблагодарил и ушел; удалившись на сто метров от поликлиники, скомкал выписанный рецепт и бросил в мусорную урну.

В интернете нынче можно найти всё, начиная от валютных курсов и заканчивая репертуаром оперных театров Буэнос-Айреса: после некоторых поисков я наткнулся на сайт www.sharlatan.ee, обещавший избавление от всех хворей с помощью гималайских снадобий. Написав по указанному адресу, я быстро получил ответ и договорился о приеме. С работы пришлось отпроситься, потому что предстоял длинный путь, двести километров, в Южную Эстонию с ее прелестными холмами и озерами. Я боялся, что придется долго ждать в очереди, чтобы попасть к «чудолекарю», но ошибся: их время, кажется, прошло. От всего на этом хуторе – ибо именно в хуторском доме обосновался знахарь – веяло ветхостью. Двери и пол скрипели, воняло прелью, а старинные часы с кукушкой отставали на полчаса. Меня усадили на расшатанный стул и для начала велели показать язык. Показалось, что мы с доктором примерно одних лет, но он был лыс и носил длинный желтый балахон.

– Вы кришнаит? – спросил я.

Я видел людей в такой одежде, толпами бегавших по улицам Таллина и распевавших веселые мелодии.

Он пробормотал в ответ что-то нечленораздельное и велел подать банку, которую я рано утром, в соответствии с полученными указаниями, наполнил, сами понимаете чем. Исследовав мутную жидкость, знахарь щелкнул языком и подошел ко мне вплотную.

– Поднимите голову.

Одной рукой он ухватил меня за челюсть, другой за затылок и большим пальцем отогнул левое веко так, что глаз едва не выскочил из орбиты.

– Пьете? Работаете с раннего утра до полуночи? Ссоритесь с женой?

На все вопросы я ответил утвердительно.

Он довольно буркнул, отпустил мою голову и отправился в другую комнату. Мне пришлось ждать весьма долго, часы все тикали и тикали, и я подумал: «Ну и дурак, поехал черт знает куда и угробил целый день».

Наконец знахарь вернулся и принес небольшую коробку; только сейчас я заметил, что руки у него крепкие и мозолистые, как у настоящего крестьянина, да еще какого-то странного зеленовато-коричневого оттенка, словно он только и делал, что собирал растения, – и во мне проснулась надежда.

– В этой коробке – три пилюли, – объяснил знахарь. – В первое ближайшее полнолуние ночью ровно в два часа проглотите ту, которая упакована в синюю бумагу. Разумеется, без самой бумаги, ее просто выкиньте.

– А как пить, с водой или всухую?

– Можно и с водкой.

Я усердно закивал: дело начинало мне нравиться.

– Давление придет в норму примерно за неделю и продержится так минимум один год.

– А если не придет?

– Придет. Через год проблемы могут повториться, а могут и нет. Если повторятся, проглотите пилюлю в зеленой бумажке.

– А если не поможет?

– Сами видите: пилюль три.

При последних словах на его лице появилась такая странная ухмылка, что я даже вздрогнул.

Я заплатил знахарю, сел в машину и поехал домой.

Жене о своем путешествии не рассказывал, боялся, что она поднимет меня на смех. Накануне полнолуния сделал вид, что завален работой, и закрылся в кабинете. Ровно в два часа развернул бумагу, принес из кухни стакан воды и проглотил пилюлю. И сразу почувствовал, как по всему телу распространяется чудная теплота, мышцы расслабляются, ноги-руки становятся тяжелыми. С большим трудом добрался до спальни, улегся и немедленно уснул. Всю ночь я видел прекрасные сны: то лазил по гималайским горам, глядя со снежных вершин вниз на беспредельную и действительно круглую землю, то плавал в незнакомом море с прозрачной соленой водой вместе с разноцветными рыбешками, чьи удивительно умные глаза внимательно следили за мной.

Утром, проснувшись, я почувствовал себя заново родившимся: голова была ясная-пре-ясная, все заботы словно рукой сняло. Жена успела уйти на работу, сын – в школу, сам я взял еще один выходной, но вдруг понял, что валяться без дела не хочется, сел за компьютер и за несколько часов накатал годовой отчет, работу над которым до этого все откладывал и откладывал.

Я как раз закончил сей труд, как из школы вернулся сын. Отправившись на кухню, я разогрел обед и позвал его. Он пришел, сел за стол, я бросил на него взгляд – и оторопел. Я увидел вдруг все его пороки, и то, что он только что курил, и то, откуда он достал деньги на покупку сигарет – из моего кармана.

– Ты лазил в мой кошелек.

Он категорически, даже злобно отрицал, но я прекрасно видел, что он лжет.

– Я даже знаю, сколько ты брал, – сказал я, – две купюры по двадцать пять крон.

Он снова начал отрицать, но уже не так уверенно, как поначалу, и глядел на меня, словно на ясновидца, со страхом. Я остался доволен таким результатом и стал накладывать ему на тарелку еду, но тут же поймал еще один, брошенный в мою сторону взгляд, – поймал, и мною овладел ужас.

«Чтоб ты сдох», – говорил этот взгляд.

– И не надейся, – обронил я.

Он, разумеется, сделал вид, что ничего не понимает, а я не стал развивать тему; я был сыт по горло. До этого момента я считал сына, возможно, не идеальным, но все-таки терпимым потомком, таким, который слушается родителей и старается более-менее соответствовать их требованиям, а теперь обнаружил, что это только внешняя покорность, а на самом деле меня ненавидят.

Я решил, что поделюсь своим разочарованием с женой, но, как только она переступила порог и я бросил на нее один-единственный взгляд, передумал. Ее внутренний мир тоже открылся мне как на ладони, помимо прочего, я видел, что она давно мне неверна, и даже сосчитал ее любовников, их оказалось целых пять за последние три года, и одним из них был мой лучший друг.

«Ты мне изменяешь», – чуть было не ляпнул я, но в последний момент остановился.

Что бы это дало? Все равно она бы все отрицала, а у меня не было доказательств – я просто все знал и даже не мог ей объяснить, откуда, настолько это выглядело бы неправдоподобно; в конце концов, она могла меня после такого рассказа и в психушку отправить. Даже если бы мне удалось спровоцировать признание, чего бы я добился? Раскаялась бы она в своих проступках? Вряд ли...

Я промолчал и повел себя как ни в чем не бывало, по крайней мере, старался так себя вести, потому что она все-таки уловила мое странное состояние и спросила, не заболел ли я. Я наврал, что утомлен, так как работал над отчетом, и она, кажется, поверила.

Но это оказалось только началом моих страданий. На следующее утро я поехал на работу и по лицам коллег постиг все их пороки. Ни одна измена, предательство, подлость не остались втайне от меня. И это повторялось везде: в магазине, ресторане, на улице. Я ходил по городу и читал по физиономиям прохожих, кого они ненавидят и кому завидуют, на что готовы во имя обогащения и как часто лгут. Несколько раз я встретил убийц, самых настоящих убийц, которые вполне отдавали себе отчет в содеянном и отнюдь не жалели об этом.

К концу недели мое состояние стало невыносимым. Бремя человеческих мерзостей навалилось такой тяжестью, что, казалось, долго я не выдержу. Я был очень близок к тому, чтобы уйти из дома и уехать подальше от людей, куда-нибудь в деревню, и погрузиться в полное одиночество.

Но потом я передумал. До этого момента я жил очень трудно, работал в поте лица, чтобы содержать семью, дрожал от страха, что меня сократят – разве я не был достоин лучшей участи? Теперь, когда с тайн мира спала покрывающая их пелена, почему бы не использовать это, так сказать, эксклюзивное знание, чтобы поправить свое материальное положение?

У нашей фирмы имелись проблемы с реализацией одного вида продукции, я взял эту работу на себя и, читая мысли деловых партнеров, смог отделаться от залежавшегося на складе товара. Меня повысили в должности, и скоро я стал правой рукой директора. Весь коллектив уважал меня – уважал, потому что боялся. Мне даже не приходилось кого-то пугать, хватало намека, чтобы те, чья совесть нечиста, были мне благодарны за молчание.

Стал я смелее и с женщинами. Раньше боялся подходить к ним, потому что не понимал, нравлюсь кому-то или нет – теперь, когда я мог без труда читать в сердце каждой, легко отыскивались именно те слова, которые они хотели услышать. Я утешал замужних, предлагал небольшое приключение девушкам, мог даже подойти на улице к совершенно незнакомой женщине и позвать ее с собой – я никогда не ошибался. Однажды, когда моя жена заболела, к ней пришла наш семейный врач – закончилось тем, что я в тот же вечер соблазнил ее. Как я раньше не догадывался, что женщины столь доступны? Разводиться не стал, а снял для своих забав небольшую меблированную квартиру, я мог это себе позволить, потому что мои доходы увеличились в несколько раз. Но мне и этого было мало, я ушел с работы и основал собственную фирму. Конечно, дела сразу пошли в гору, все сделки, которые я заключал, давали хорошую прибыль, меня было невозможно провести, сам же я обводил вокруг пальца любого.

Так прошло года три, мое здоровье оставалось в порядке, все шло удачно, но со временем проницательность пошла на убыль, а давление снова заскакало. Я решил, что пора выпить вторую пилюлю, и в первое же полнолуние сделал это.

На этот раз красивых снов я не видел, наоборот, всю ночь меня мучили кошмары: за мной гнались, ловили, заключали в кандалы, били, пытали, вырывали ногти и жгли огнем. Проснулся я весь в поту, и пот этот был холодным. Я встал, подошел к зеркалу: на меня смотрел человек с безумным взглядом.

В контору я не пошел, остался на весь день дома. Я лежал в постели и размышлял, и это были грустные мысли. Все, чем я до этого момента гордился, – моя проницательность, экономический успех, победы над женщинами, – все казалось заблуждением. Я вдруг увидел в себе подонка, который для достижения эгоистических целей пользуется слабостями других.

Мой сын недавно ушел из дома, он снял вместе с другом квартиру и не принимал от меня материальной помощи. «Папа, ты свел мать в могилу, я не хочу больше иметь с тобой ничего общего», – сказал он на прощание. Да, моя жена утасла как-то быстро и незаметно, я даже не успел навестить ее в больнице. Узнав про ее неверность, я словно вычеркнул ее из своей жизни, а теперь понял, что из жизни невозможно вычеркнуть ничего. Мертвая и кремированная, она тем не менее продолжала жить во мне и напоминать о тех далеких днях, когда мы еще были счастливы. Мой лучший друг вместе со своей женой недавно погиб в автомобильной аварии, это случилось через несколько недель после того, как я в отместку соблазнил его жену, и я не мог отделаться от чувства, что в произошедшем есть и моя вина.

«Опомнись, Куно, – убеждал я себя, – ты не можешь отвечать за все, что происходит с другими. Каждый в этом мире борется за себя, а кто не борется, того втопчут в грязь, как поначалу делали с тобой».

Но пилюля не давала мне успокоиться, ее сила оставалась в моем организме и заставляла страдать. На следующий день я пошел в контору, но почувствовал сразу, что не в состоянии вести дело дальше – это ведь возможно только, обманывая других, а я больше не хотел никого обманывать. Я продал фирму за гроши и стал искать работу. Меня никуда не хотели брать, наверное, мое состояние не внушало доверия. В конце концов, после долгих поисков я получил работу в одном торговом центре, где я собираю тележки и ставлю их на место.

Машину я продал, на работу начал ездить в автобусе: не хочу больше быть похожим на тех, кто думает только о собственных удобствах. Здоровье пока не подводит, но, когда давление снова поднимется, у меня уже не будет лекарства, потому что третью пилюлю я выкинул в мусорный ящик.

Замена

Случилось это той весной, когда я оканчивал университет. Был я тогда влюблен, и даже счастливо, взаимно. Не знаю, стал бы я сразу делать Майе предложение, я ценил свою мужскую свободу, но приближалась выпускная комиссия, и я боялся, что нас направят на работу в разные города. Глаза Майи увлажнились, когда я спросил, согласна ли она стать моей женой, я даже не подумал, что это может быть для нее так важно; глухим голосом она проговорила: «Да», – и уткнулась носом в мою грудь. Мы условились, что встретимся на следующий день после лекций в главном здании, «под часами», и пойдем в ЗАГС подавать заявление.

Ждать Майю пришлось довольно долго. Стрелка на старинных, с римскими цифрами часах, упорно ползла вперед, и взгляды, которые я бросал на нее, становились все более беспокойными. Неужели передумала? Так сказала бы прямо, зачем выбирать столь унижительную форму отказа? Мне хотелось сходить к телефону-автомату, чтобы позвонить – кто знает, может, заболела, лежит в общежитии с высокой температурой, но я боялся, что она придет и, не увидев меня, уйдет.

Так я мотался с полчаса взад-вперед по каменным плитам, пока не услышал за спиной звонкий голос:

– Здравствуй, Мадис!

Обернулся – передо мной стояла незнакомая девушка.

– Извини, что я опоздала, – продолжила она по-свойски, – в парикмахерской была очередь. Надеюсь, ты простишь меня.

Ничего не понимая, я промолчал.

– Честное слово, Мадис, на свадьбу явлюсь вовремя, – засмеялась девушка. – На самом деле, твоя Майя весьма точная и аккуратная девушка. Ты мне веришь?

И снова я ничего не ответил, но мысль моя в это время работала с бешеной скоростью, я пытался разобраться, что кроется за этой неожиданной подменой.

– Ну, что ты молчишь, скажи, как тебе нравится моя прическа?

В голосе незнакомки появилось нетерпение, она повернула голову с пышной светлой шевелюрой в одну, потом в другую сторону; у Майи, кстати, были темные волосы.

– Извините, я вас не знаю, – сказал я так мягко, как только умел – конечно, я мог бы выбрать и более официальный тон, но не хотел, чтобы меня посчитали мужланом – у меня уже возникла версия.

– Что с тобой, Мадис? – удивилась девушка. – Ты что, выпил? Может, устроил вчера мальчишник? Ты вообще помнишь, что сделал мне предложение?

Все это было произнесено очень даже натурально и только подтверждало мою гипотезу. Очевидно, что Майя вздумала пошутить надо мной и отправила на свидание вместо себя то ли однокурсницу, то ли просто знакомую. Однако с какой целью? Чего добивалась? Если она передумала выходить замуж, зачем так усложнять? Намного вероятнее казалось, что Майя хочет меня испытать – люблю ли я ее на самом деле, не начну ли приударять за ее подружкой?

Во мне проснулась злость, и я решил, что не позволю над собой насмехаться.

– Прости, если мой комплимент получился слишком замысловатым, – расшаркался я, – я хотел сказать, что не узнал тебя, потому что ты сегодня чересчур красивая.

– А что, обычно я некрасивая? – закокетничала девушка.

– Обычно тоже, но сегодня особенно. Действительно, мне повезло, я женюсь на самой красивой девушке в мире.

Этим ответом незнакомка явно осталась довольна.

– Ну что, пойдем тогда? – сказала она деловито.

Но я не сдвинулся с места.

- Подожди. Я хочу тебя поцеловать.
- Прямо здесь? – спросила она игриво.
- Да нет, конечно, не здесь. Пойдем ко мне.
- Сейчас?
- Да, немедленно.

«Интересно, – подумал я, – как она на это отреагирует? Нетрудно было выступать в роли Майи на людях, но пойти с ее женихом к нему домой...»

- Мы же опоздаем в ЗАГС. – Девушка начала вилать.
- Этого я и ожидал.
- Ты что, забыла, я же живу рядом, в двух шагах!
- Я испорчу прическу, – попыталась она отвертеться еще разок.
- Буду осторожен.

Незнакомка заколебалась, такой поворот событий они в «сценарии» наверняка не предусмотрели.

- Или ты уже разлюбила меня? – спросил я драматическим голосом.
- Ну, хорошо, если это для тебя так важно, пойдем, – уступила она неожиданно.

Это стало для меня сюрпризом: я был уверен, что тут-то она откажется от игры, и мне удастся ее разоблачить. Неужели я произвел неотразимое впечатление? Или это вертихвостка, искательница приключений, всегда на все готовая? Вероятнее все же, что она разозлилась на Майю, поставившую ее в дурацкое положение, и решила отомстить ей; однако кто знает, так ли это, душа женщины, как говорят, потемки.

Отказаться от идеи я не мог, зашел уже слишком далеко, да и хотел ли? В этот момент меня переполнял гнев по отношению ко всему женскому полу, и я был готов на все, чтобы показать: со мной в эти игры не играют.

Кстати, я не сомневался, что в последнюю минуту девица все-таки струсит, и не поверил своим глазам, когда она спокойно взяла меня под руку и вместе со мной сперва прошла до дома, где я снимал крохотную квартирку в мансарде, а потом и вверх по лестнице...

- Дальнейшее произошло молча, мы не обменялись ни единым словом.
- Мне надо идти, – сказала она, когда я утомленно опустился на простыню.
- А ЗАГС? – притворился я, что удивлен.
- Оставим на завтра.

Она встала, без слов оделась и ушла.

Я отдохнул немного, потом почувствовал голод и встал. Подумал зайти в студенческое кафе, но едва дошел до главного здания, ноги словно сами понесли меня в сторону тяжелой двери.

Майя стояла в фойе, нервная, взвинченная, на пределе.

- Куда ты делся? Я уже час жду тебя.
- Я был тут в два, но ты не пришла.
- Мы же условились в три!

Как здорово она актерствует, подумал я, но, бросив взгляд на лицо Майи, засомневался, настолько искренним было ее отчаяние.

– Ох, как хорошо, что мы наконец встретились, – продолжила она уже веселее. – Я все думала, что с тобой могло случиться. То ли попал под машину, то ли сломал себе шею. Там, где ты живешь, такая крутая лестница.

Она еще некоторое время изливала душу, говорила о страхах, которые появились у нее: что я передумал, нашел другую и не люблю ее больше. Чем дольше я ее слушал, тем больше крепла во мне мысль, что она ничего не знает о девушке, с которой я встретился.

Выговорившись, она взяла меня под руку и сказала:

- Слава богу, теперь этот кошмар позади! Пошли, а то ЗАГС закроется.

Я не сдвинулся с места, мои мысли сосредоточились на вопросе, кем же, если Майя не врет, была та – вторая девушка? И была ли она вообще, может, я увидел привидение?

Но потом я понял, что существенной разницы нет.

– Извини, я не пойду, – сказал я.

Майя застыла, в ее глазах появился неопиcуемый ужас.

– Почему? – прошептала она почти беззвучно.

– Не могу объяснить, – ответил я и ушел.

Было бы жестоко сказать ей, что оказалось слишком просто заменить ее на другую.

Деспот

Моя сестра Анни вскоре после окончания школы вышла замуж за человека лет на десять старше ее. Маргус мне не понравился с первого взгляда. На лице этого худого, костлявого, крепкого мужчины словно застыла мрачная маска решительности. Водку он не пил. Булгаков где-то сказал, что непьющие подозрительны, и это вполне относилось и к Маргусу. Чего он добивался, во имя чего жил? Мне казалось, что его главная цель – держать события под контролем, естественно, не в глобальном смысле, но в своем ближайшем окружении: на работе и дома. Когда мы познакомились, он был инженером на машиностроительном заводе, скоро его повысили до главного, и я не сомневаюсь, что с того дня его предприятие всегда выполняло план и не расставалось с красным флагом победителя соцсоревнования. Дома царил такой же, я бы сказал военный, порядок: обед каждый день в одно и то же время, дети пораньше – в постель, и берегись, если принесешь из школы плохую оценку – кстати, доставалось за это не виновнику, а Анни, поскольку по установленной Маргусом субординации именно она отвечала за то, что связано с домом и детьми. Несмотря на всё это, сестра не жаловалась. В школьные годы она отличалась беззаботным характером, ей ничего не стоило опоздать на урок или явиться домой с аттестатом, в котором преобладали «тройки»; когда родители сердились, она отвечала лишь:

– Хорошие оценки еще никого счастливым не сделали!

Была ли она счастлива сейчас, когда ее беззаботность бесследно исчезла, когда она стала такой же серьезной и сосредоточенной, как Маргус, – постоянно напряжена, постоянно в страхе, что совершит какую-то ошибку... Однажды я прямо спросил, неужели она довольна своим браком? Анни сделала удивленное лицо и ответила:

– О да, разумеется, ты разве сомневаешься в этом?

– Да, немного сомневаюсь, мне кажется, что Маргус – деспот.

Она на секунду задумалась, наверное, никогда этого не признавала, но затем лукаво улыбнулась и сказала:

– Возможно, отчасти ты прав. Но мне это даже нравится. Такое хорошее чувство уверенности, что с тобой не может случиться ничего плохого, он просто не допустит этого.

– Он что, бог? – Я не удержался от сарказма.

– Ну, не знаю, бог ли... – засмеялась Анни, но по ее лицу было видно, что примерно такого мнения о своем муже она и придерживается.

Когда началась перестройка, Маргус помрачнел еще больше – а чего удивляться, его стремление «держать все под контролем» столкнулось с большими трудностями. Дома его в этот период почти не видели, он ездил по России в поисках сырья для своего завода. И, надо сказать, справлялся с проблемами: завод функционировал, рабочим регулярно платили зарплату, и Маргус даже выкинул финт, которого я от него не ожидал: словно чувствуя, что вот-вот начнется бешеная инфляция, он взял кредит в банке и за несколько месяцев построил для семьи дом на окраине Тарту, заплатив за это в итоге гроши.

Потом объявили – и признали – независимость, экономические отношения с Россией прервались, завод Маргуса уже никому не был нужен, его закрыли, и зять остался без работы. Я подумал: «Ну-ну, что ты теперь делать станешь?» Сам я незадолго до этого вступил в патриотическую партию и надеялся попасть на первых свободных выборах в парламент. Нельзя сказать, что я очень злорадствовал, меня все-таки тревожило, что будет с сестрой – помните, какое это было тяжелое время, – но, положив руку на сердце, признаюсь, ничего не имел против того, чтобы Маргус пришел ко мне с просьбой найти ему работу.

Но этого не случилось; к моему большому удивлению, он выбрался из трудностей собственными силами: освоил новую специальность, программирование, да так успешно, что

нашел работу в самом логове капитализма – в банке. Помню, как он тогда был собой доволен – я имел счет в том же банке, и однажды, когда сидел и ждал своей очереди, Маргус спустился в зал, сел рядом со мной в кожаное кресло и долго болтал о том о сем, что было на него непохоже. Никогда я не видел его таким расслабленным. «Ну, теперь самое сложное позади», – сказал он на прощание и похлопал меня по спине, словно давая понять: знаю, ты никогда ко мне хорошо не относился, ну, да ладно, я на тебя не сержусь.

Несколько дней спустя Маргус умер. Это случилось так неожиданно, что я впервые понял смысл фразы: «Был человек, и вдруг его не стало». Он пошел в обеденный перерыв снимать деньги со счета в собственном банке, и тут ему стало плохо. Вызвали «скорую помощь», та приехала буквально через пять минут, но все равно оказалось поздно: при вскрытии обнаружилось, что сердце совсем износилось, по словам врача, уже давно у него была аритмия, он просто не жаловался. Последовавшие за его смертью дни я до сих пор вспоминаю как кошмарный сон: у Анни случился нервный срыв, она плакала беспрестанно, ни одно увещание не помогало, я повторял и повторял ей: «Ну, подумай о детях!» – но добился лишь того, что она бросила на меня взгляд, полный ненависти, и сказала: «А что, дети, по твоему мнению, не должны знать, что такое любовь и что такое смерть?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.